

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 9

1986

Александр ОВЧАРЕНКО

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

**ЖИВОЙ
ГОРЬКИЙ**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 9

Александр ОВЧАРЕНКО

ЖИВОЙ ГОРЬКИЙ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Александр ОВЧАРЕНКО

Александр Иванович Овчаренко родился в с. Григорьевке Семиреченской области в 1922 году. После окончания средней школы — учеба в Москве, война, снова учеба, работа в школе, в вузах, в Московском университете и в Академии наук СССР. В настоящее время — профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, автор книг «О положительном герое в творчестве М. Горького», «Публицистика М. Горького», «Роман-эпопея М. Горького «Жизнь Клима Самгина», «Эпоха, человек, искусство», «М. Горький и литературные искания XX столетия», «Современный белорусский роман», «Социалистическая литература и современный литературный процесс», «От Горького до Шукшина», «Большая литература» и других, лауреат Государственной премии РСФСР (имени М. Горького). В настоящее время возглавляет работу над Полным академическим собранием сочинений М. Горького. Как ученый-литературовед и литературный критик неоднократно выезжал за границу для участия в международных встречах ученых и писателей, в научных симпозиумах, семинарах, для чтения лекций о русской литературе и литературах народов СССР. Бывал во Франции, США, Англии, ФРГ, Италии, Финляндии, Югославии, Польше, Чехословакии, КНР, Болгарии, ГДР... О своих зарубежных впечатлениях он рассказал в серии очерков «В этом бушующем мире» и «Размышляющая Америка».

ЧЕЛОВЕК-ХУДОЖНИК

В одном из писем к Федору Шаляпину Горький назвал его «символом русской мощи и таланта». «Когда я смотрю на тебя,— писал он другу,— я молюсь благодарно какому-то русскому богу: спасибо, боже, хорошо ты показал в лице Федора, на что способна битая, мученая, горестная наша земля! Спасибо,— знаю, есть в ней сила! И какая красавица — сила!»¹

С еще большим восхищением то же самое мы говорим о самом Горьком. Могучей силой обладает земля, сын которой Алексей Пешков, преодолевая невероятные препятствия, воздвигаемые на путях простого, рядового трудящегося человека частнособственническим обществом, проходит все девять кругов ада, поднимается к вершинам человеческой культуры, становится в один ряд с гениальными писателями — Л. Толстым, Ф. Достоевским, А. Чеховым, стоит у колыбели нового мира рядом с величайшим революционером всех времен — В. И. Лениным. Еще при жизни писателя в восприятии крупнейших умов нашей эпохи представление о России, русском народе, движущемся в революции, соединялось с именами Толстого, Достоевского и Горького.

Мы говорим о Горьком: гениальный писатель, основоположник литературы нового мира, титаническая личность. Сам он терпеть не мог слов «великий», «могучий», «гениальный» и не раз потешался над любителями измерять «рост писателей» с помощью подобных эпитетов.

Для него существовал лишь один титул, достойный уважения: «хороший работник». Среди заметок, относящихся к последним дням жизни писателя, есть и такая: «Когда меня называют «великим», я чувствую себя как мальчишка, которого мальчишки же дразнят,

---

¹ Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, произведения Горького цитируются по изданию: М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. М., Гослитиздат, 1949—1955, и по сборникам I—XIV, выпущенным в свет Архивом А. М. Горького.

как они дразнят хромого за то, что хром, кривого за то, что крив. Как литератор, я — не «велик», я просто хороший работник».

Работа, которую делал сам Горький и старался делать так, чтобы ею можно было гордиться, — это и неутомимая его учеба, и художественное творчество, участие в освободительной борьбе пролетариата России, и редакторский труд, и руководство издательствами, журналами, газетами, и систематическое чтение рукописей, и беспримерная по своему размаху переписка с общественными и государственными деятелями, рабочими, крестьянами, учеными, писателями, художниками, журналистами, учителями.

В свое время в нашей стране вышло собрание сочинений Горького в тридцати томах. Затем — полное, академическое. Но каждое из них — именно собрание *сочинений*, а не всего, что было сделано писателем. Как включить в него, скажем, гигантский редакторский труд Горького, запечатленный в правке колоссального количества рукописей? Или пометки на полях тысяч прочитанных книг? Или многочисленные беседы с людьми, оставлявшие неизгладимый след в судьбе почти каждого, кто хоть раз встречался с Горьким? И как включить самое блестящее произведение Горького — его жизнь?

Горький любил составлять в родственные ряды слова на основе заключенной в них образности и многозначного смысла. Слово «работник», очищая его от исторической «пыли», он ставил рядом со словами «работа» и «рабочий». В превосходных рассказах «Емельян Пиляй», «На соли», «Челкаш», «Коновалов», в пьесе «На дне» он неповторимо рассказал о том, как извращается всеразрешающая сила работы, труда в капиталистическом обществе. Из смысла жизни, вдохновенного творчества работа превращается в средство порабощения человека. Великое слово теряет свои живительные соки, сжимаясь в звено страшной цепи, именуемой «рабство». Действительные создатели всех ценностей на земле теряют «душу живу», обезличиваются, их как бы усекают со всех сторон, превращая из «работников», «рабочих» — в «рабов». От слова остается половина, от человека — и того меньше.

На себе самом испытав все ужасы подневольного труда, Горький, однако, не впал в отчаяние, не разочаровался в жизни. «Я, — рассказывал он впоследствии, — очень рано узнал людей и еще в молодости начал выдумывать Человека, чтобы насытить мою жажду красоты. Мудрые люди — неутомимые творцы ошибок — убедили меня, что я плохо выдумал утешение себе. Тогда я снова пошел к людям и — это так понятно — снова от них возвращаюсь к Человеку...»

В этой заметке Горького пропущено несколько звеньев. Возвратившись к людям, он вскоре взялся за перо и стал создавать произведения, которые с тех пор не оставляют равнодушным ни одного их читателя. И тот, кто берет их в руки впервые, и я, человек, имеющий

отношение к их созданию не одно десятилетие, раскрыв книгу, читаем ее не отрываясь.

Волшебной силой настоящего искусства мы переносимся в Россию конца XIX века, зачарованно слушаем у ночного костра рассказ старого цыгана об удалом Лойко Зобаре и красавице Раdde, вместе с Емельяном Пиляем бредем на «проклятушую» соль... Рядом с нами, за нами, впереди нас — люди, люди, люди... Горемыка Павел и старуха Изергиль, Челкаш и Коновалов, Шахро и Промтов, Кирилка и Финоген Ильич, Фома Гордеев и Павел Грачев... Одни из них пристально рассматривают нас, другие загадочно усмеваются, третьи зовут куда-то. «А ты можешь научиться сделать такой счастливыми?» — скептически спрашивает Макар Чудра, выпуская изо рта и носа густые клубы дыма. «Правá! Вот они, правá!» — кричит Емельян Пиляй, потрясая внушительным жилистым кулаком. «Рази мне надо что?..» — пронзительно вопрошает дед Архип. «Жутко жить», — шепчет Хромой. «Какую там я могу иметь в себе жалость, ежели на моих глазах всегда людей били... и вижу я, что человек дешевле скота ценится?» — строго замечает старый каторжанин. «Так я никакого геройства и не совершил», — сокрушается Гришка Орлов. «Таких делов, чтобы высоко торчали, — не нам делать...» — медленно выговаривает седобородый грузчик. И сам рассказчик, глядя на отчаявшегося Коновалова, сравнивая его с углями, покрывающимися пеплом, думает: «Так и все мы... Хоть бы разгореться ярче!»

Десятки, сотни, тысячи людей сдвигаются с насиженных мест, бредут по бескрайним дорогам России, гибнут от непосильной работы, «спиваются с круга». Что же их гонит? Нужда, голод? Да. Бесправие? Да, с нарастающей силой.

Внутренняя неудовлетворенность жизнью охватывает все более широкие круги народа. Люди «задумались» и уже не хотят жить «как скот». «Вот так жизнь, ведьма ее бабушка! И зачем только она мне далась? Работища да скучища, скучища да работища...» Так рассуждает не один Гришка Орлов. Глубоко задумавшись, на распутье стоит Россия. Мучительно ищет она дорогу «к свободе, к свету».

Оказалось, что миллионы людей, находящиеся на самом дне жизни, разутые и раздетые, голодные и лишенные всех прав человеческого состояния, бьются над разгадкой основных вопросов бытия, тех вопросов, одно прикосновение к которым делало «лишними» лучших представителей русского народа, изображенных Пушкиным и Лермонтовым, Герценом и Толстым. Они не желают жить в нищете. Но «быть сытыми» — далеко не самое главное их желание. Их «не работа ест, а забота». Даже опустившийся босяк Сатин заявляет: «Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? (Хочочет.). Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек — выше! Человек — выше сытости!..» Миллионы простых тружеников

бьются над этим и подобными ему социальными вопросами, отнюдь не в силу своей природной склонности к философствованию. Оказывается, каждый человек, прошедший суровую школу жизни в России, «более философ, чем сам Шопенгауэр». Позднее, в автобиографической трилогии, Горький сделает знаменательное признание: «Редко встречались мне в книгах мысли, которых я не слышал раньше, в жизни». Другими словами: идеи, проблемы, волновавшие прежде лишь самых передовых представителей народа, теперь неотступно мучают весь народ. От того или иного решения этих вопросов непосредственно зависит дальнейшая судьба всех и каждого.

Художественное воссоздание самого процесса этих великих исканий — одна из блистательных сторон творчества Горького. Мы видим, как рождается, растет, крепнет «юная Русь». «Боюсь я! — признается мещанин Бессеменов. — Время такое... страшное время! Все ломается, трещит... волнуется жизнь!..» Машинист Нил, считая себя законным хозяином жизни, заявляет: «Прав — не дают, права — берут...» Измученный жизнью рабочий Грачев радостно возмещает: «Я чувствую — нашел я друга! И ясно вижу — кто мой враг!..»

Горький прочно связывает свою судьбу с революционным пролетариатом России, становится активным участником рабочего движения. В 1931 году, вспоминая о мучительных духовных страданиях, пережитых в молодости, сожалея, что недостаточно читал до 1903 года работы Ленина и это мешало «разобраться в самом себе», он с гордостью напишет: «В конце концов я нашел какой-то свой путь и вот уже почти сорок лет шагаю этим путем, и он привел меня как раз туда, куда следовало. Рабочий класс принял меня как своего человека, я чувствую себя вполне на своем месте и в этом черпаю силы для жизни и работы вот уже около 30-ти лет».

В результате мечта Горького о Человеке начала приобретать реальные очертания, вдохновляя на создание таких произведений, как «Песня о Буревестнике», поэма «Человек».

Горький видел мир в его действительной, бесконечно возрастающей сложности и умел бесстрашно смотреть в лицо жизни. Осмысляя ее, он не боялся быть до конца последовательным в своих выводах. Сила, величие его как раз в том, что вместе со своим народом, вместе с рабочим классом России он как бы заново открывал и осмыслял окружающий мир. И это открытие, это осмысление, это конкретное постижение действительности привели его на позиции коммунизма.

Притягательная сила творчества Горького в том, что при чтении его книг мы видим жизнь в ее неотразимой конкретности, вместе с автором бьемся над ее загадками, пытаемся проникнуть в ее «тайное тайных». Горький никогда ничего не принимал на веру и, как он сам сказал однажды, «выжимал» идеи из своего «личного опыта». Каждое его произведение и для него самого являлось открытием, постижением

определенной стороны действительности, проникновением в ее глубины. Даже в тех случаях, когда Горький открывает открытое до него, сохраняется эффект энтузиазма и новизны или обновления.

Чем глубже писатель проникал в тайны действительности, открывая ее для себя и для людей, тем созвучнее становилось его творчество стремлениям самого революционного класса в России и во всем мире. «Горький горячо любил человека — борца за светлое будущее человечества...» — говорил М. Шолохов. «Он сражался за исконную думу-страсть трудящегося народа...» — подчеркивал А. Фадеев. Он поднял бунт против бессмысленной и постыдной жизни, основанной на порабощении человека человеком. Этот бунт — во имя Человека, во имя полного переустройства жизни на основах «свободы, красоты и — уваженья к людям». В устах Горького понятия правды, любви, человечности приобрели совершенно конкретный смысл. Это была всеобъемлющая правда борьбы за коренное переустройство жизни. Это была воинствующая любовь, активно отвергающая все формы человеческого порабощения. Это была торжествующая человечность, рождающаяся в процессе революционного становления нового мира.

Как художник Горький сделал все, что мог, чтобы и в жизни, и в литературе два величайших слова — «работа» и «рабочий» — засияли заново, превратились в синонимы слова «революция». Накануне и в период грозы 1905 года он слагал одну за другой героические песни о Человеке, Рабочем, Товарище. Они звучат «как радостная весть о будущем, о новой жизни». В ярком и стремительном, как молния, «Послании в пространство», написанном в самый разгар первой русской революции, Горький соединяет в одном ряду слова Рабочий — Герой — Человек — Товарищ, заканчивая призывом бороться до конца за *свою* победу.

«Все храмы на земле созданы твоими руками — иди дальше, чтобы создать храм истины, свободы, справедливости!

Иди, товарищ!»

Ислед за тем Горький показал миру русского революционера, с полным правом сказав о нем: «феномен, равного которому по красоте духовной, по силе любви к миру — я не знаю». Таковы коммунисты, нарисованные в драме «Враги», в повести «Мать». «Победим мы, рабочие!» — говорит Павел Власов, и это звучит как самая великая правда нашей эпохи. Борясь за собственное раскрепощение, рабочие несут свободу всему человечеству. С ними в мир идет Человек с большой буквы, вечный революционер, как назвал его советский поэт Кайсын Кулиев.

После поражения первой русской революции Горький мужественно защищает ее от клеветы врагов и ренегатов. Могучей чередой следуют его пьесы, повести, романы: «Последние», «Лето», «Жизнь ненужного человека», «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», автобиографические произведения «Хозяин», «Детство», «В людях».

Леонид Андреев как-то с завистью сказал Горькому: «Счастливы ты, Алексей, черт тебя возьми! Всегда около тебя какие-то удивительно интересные люди...». Горький действительно был «счастливым на людей» — встречался и подолгу беседовал с Л. Толстым, В. Короленко, В. Стасовым, И. Репиным, знал Н. Михайловского, В. Фигнера, П. Кропоткина, Г. Плеханова, А. Бебеля, К. Либкнехта, Е. Дебса, Г. Димитрова, Сен-Катаюму... Его строгим учителем и заботливым другом являлся Ленин. И, кажется, не было ни одного выдающегося сподвижника Ленина, с которым бы писатель не встречался. Он видел их «в работе», поражался их нечеловеческой выносливости, их разносторонней талантливости, чистоте свойственного им чувства классовой ненависти, целомудрию их любви к народу. Многие из них погибли в царских тюрьмах, ссылках, на каторге, другие — на фронтах гражданской войны или надорвавшись в налаживании «хозяйства» первого в мире государства рабочих и крестьян. С глубокой личной скорбью откликнулся Горький на смерть своих друзей, таких, как А. Яровицкий, Н. Бауман, М. Вилонов, Д. Павлов, В. Воровский, Л. Красин, Ф. Дзержинский, И. Скворцов-Степанов... И, преодолевая тяжесть утраты, писал: «Что значит горе одного в сравнении с горем множества товарищей, которые видят, как редеют их ряды, как испытанные, но еще не старые, энергичные работники уходят один за другим в небытие. Но — разве в небытие? Человек умирает — дело его живет, и сам он еще живет в памяти людей, которые призваны его энергией к работе, работали с ним. И, вероятно, скоро уже кто-нибудь из новых художников слова, возбужденный тем, что сделано ушедшими от нас полуполевыми людьми, создаст из них для людей будущего... удивительные образы...»

Как всегда, Горький первым попытался сделать это, создав один из самых впечатляющих образов в советской литературе — образ Ленина.

К Ленину, к мысли его, к его деятельности внимание Горького было приковано на протяжении всей жизни после Октября. Ленин как выражение интеллектуальных, нравственных, творческих сил революционной России, Коммунистической партии, российского пролетариата, русского народа, его будущего и будущего всего человечества; Ленин как символ нового мира, нового человечества, новой культуры; Ленин как знамя, осеняющее народы мира на пути к действительному освобождению, — видится или угадывается во всем, о чем думает, говорит, пишет теперь Горький. В нем он видит осуществление своей мечты о «безумстве храбрых», о Человеке с большой буквы.

Не раз возвращаясь к своим разногласиям 1917 года с В. И. Лениным, он стремился, чтобы из них был извлечен весь «поучительный смысл», и поэтому со всем бесстрашием делал такие, например, признания: «В. И. Ленин говорил мне: «Вы — анархист и романтик. Вы смотрите на мир детскими глазами»; «В тех университетах, где

я учился, «маниловщину» не преподавали, но, должно быть, именно поэтому я все-таки — вырос «мягким» человеком, — В. Ильич очень остроумно высмеивал это мое качество». И так раскрыл смысл того, что при этом имелось в виду. «В 1906 г. я видел, как интеллигенция бежала от революции, как легко и безболезненно она отрывалась от рабочих. Видеть это было весьма противно. Разумеется — тем более непростительно глуп мой «нейтралитет» 1917 года».

И в другом месте: «С 903 г. я считаю себя большевиком, т. е. искренним другом пролетариата, и до Октября 17 г. по мере сил помогал русским рабочим всем, чем мог. Владимир Ильич Ленин в Октябре смутил меня, как и многих большевиков, своей фантастической дерзостью, ибо мне показалось, что двинуть русских рабочих партийцев на передовые посты в стране крестьянской и анархированной войною — это значит погубить единственную подлинно революционную силу страны.

Но Ленин оказался гениальнее, чем думали о нем, его товарищи — оказались достойными сотрудниками и друзьями гения, а сознание и воля рабочего класса сильнее, чем представлял это я, литератор. С 18 года, со дня гнусного покушения на жизнь Владимира Ильича, я снова почувствовал себя «большевиком»».

Так же, как В. И. Ленину, будущее, открытое перед человечеством Октябрьской революцией, виделось Горькому совершенно конкретно. Накануне своего приезда в СССР в 1928 году он писал, что большевиками «поставлена к разрешению задача нечеловечески трудная, ибо эта задача сводится к осуществлению всего, о чем мечтали мудрейшие и наиболее искренно человеколюбивые люди мира». Он не сомневался, что задача будет успешно решена. В набросках к только что цитированной статье находим следующие замечательные слова: «Осуществят ли сегодняшние большевики эти мечты? Вероятно — нет. Но за ними встанут другие люди, воспитанные ими для той же цели, люди, которые практически, на деле, а не на словах, будут продолжать все ту же великую и необходимую миру работу — устранения из жизни всего, что искажает человека».

Горький жил всеми интересами своего необычайно сложного, противоречивого, очень бурного времени. Это самым непосредственным образом сказывалось на его творчестве. Люди, стремясь рассматривать произведения писателя в отрыве от породившей их действительности, находят в них немало «противоречий».

Знакомые с подобного рода «трудами», невольно вспоминаешь одну из заметок самого Горького:

«Раз пятьдесят, а может быть, двести раз меня спрашивали:
— Как же, в конце концов, вы смотрите на этот мир?»

И указывали на неисчислимое количество противоречий в моих мнениях. Кое-кто находил эти противоречия даже преступными, большинство считало их результатом моего невежества, люди

любезные — а также и трусливые — великодушно пытались затушить их».

Сам писатель советовал соотносить особенности его творчества с изумительной сложностью, противоречивостью жизни человека в XX столетии. Он видел мир в подлинных противоречиях, в многогранности. Отсюда исключительная сложность его отражения в творчестве Горького, о чем писатель превосходно рассказал в статьях: «Заметки читателя», «О том, как я учился писать», «О «маленьких» людях и о великой их работе», «С кем вы, «мастера культуры»?» «О социалистическом реализме», «О культурах». В них он убедительно доказал, что человек честного труда «значит неизмеримо больше, чем принято думать о нем, и больше того, что он сам думает о себе». Поэтому писатели нового мира не могут не быть жизне- и человекопоклонниками, не могут не утверждать жизнь как непрерывный революционный рост человека и человечности.

В одном из первоначальных набросков к статье «Заметки читателя» Горький так отвечал тем, кто упрекал его в оптимистическом отношении к жизни, к человеку: «Самая высокая правда, которую я знаю и люблю, формулирована словами Гейне: «Каждый человек — целый мир, под каждым гробовым камнем погребена вселенная». Да, это самое лучшее, что я знаю и во что верю. Именно поэтому я нередко переоценивал того или другого. Естественно: самая лучшая женщина та, которую любишь. И если в любви ошибаешься, — каяться в этом все-таки и бесполезно, и глупо».

В другом наброске, сделанном тоже до приезда в СССР в 1928 году, он снова настаивал: «Я — человек верующий сердцем и умом в органическое тяготение людей к «хорошему». Не скрываю от себя, что почти каждый из них желает заплатить за хорошее возможно дешево, — это тоже естественно в мире, где все еще командуют торгаши. А все-таки основным стремлением каждого является стремление к лучшему, — цель, которая может быть достигнута только при условии, если всем будет хорошо. Разумеется, что для этого прежде всего совершенно необходимо уничтожение классового государства».

Этого убеждения родоначальнику искусства нового мира кое-кто и не может простить до сих пор. Не будем говорить об убежденных противниках социалистического реализма — они «сознательно» не понимают подлинных источников веры писателя в жизнь и человека. Есть, однако, в мире немало и честных людей, с недоумением воспринимающих оптимизм Горького. Вообще говоря, в наш суровый, потрясаемый невиданными событиями век легче всего быть скептиком и пессимистом. Для этого не требуется обладать ни пронизательным умом, ни глубоким знанием жизни. Гораздо труднее разобраться в действительной логике истории, соразмерить правильно «горечи» и «радости» человеческого бытия, делая далеко идущие заключения. И тут опыт Горького ничем не заменить.

В самом деле, в мировой литературе вряд ли найдется другой писатель, который видел своими глазами, сам пережил столько горя, несчастий, страданий, скорби, как Горький. Уже став всемирно знаменитым писателем, он не раз с удивлением спрашивал: почему именно к нему непрерывным потоком идут люди со своими горестями, несчастьями, исповедуются в своих грехах? Тем значительнее тот факт, что писатель, до дна измеривший глубины человеческих падений, знавший подлинные масштабы жизненных невзгод, преследующих людей в наш суровый век, бесстрашно шел навстречу бурям и штормам эпохи, сохраняя веру в человека-революционера, человека-коммуниста, в то, что логика истории на его стороне. «...Очень странно,— говорил Горькому еще Л. Толстой,— что вы все-таки добрый, имея право быть злым... Вы крепкий, это хорошо...» И потому, что Горький был по-рабочему крепким человеком, сумел на действительных весах жизни взвесить ее действительные радости и горести, он утверждал: «Жизнь — удовольствие», «Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо!»

Как любой из нас, Горький иногда ошибался в оценке того или иного отдельного человека, но он был непоколебим в самой высокой оценке человека труда, совершившего «величайшую революцию», героически строящего новый мир. «Товарищ! — обращался к нему писатель. — Знай и верь, что ты — самый необходимый человек на земле. Делая твое маленькое дело, ты начал создавать действительно новый мир. Учись и учи!»

Ему писатель и отдавал бескорыстно все свои знания, весь свой опыт, запечатленный в превосходных художественных произведениях, страстной публицистике, бесчисленных письмах.

Горький видел мир очень широко. Тому же он учил каждого советского человека, каждого трудящегося. Он был убежден: этот мир наш, весь будет наш, Октябрь лишь начало. И неустанно твердил: «...Настоящий господин жизни — рабочий народ.., прошло то время, когда «каждый сверчок» должен был знать «свой шесток». Человек должен знать все». Должен вместить в своем сердце, обнять своей мыслью весь мир, то есть жить всеми его заботами. Только в этом случае начатое им дело не превратится в его повелителя.

Именно такой смысл Горький вкладывал в понятие коллективизма, говоря, что коллективизм должен стать у нас «шестым чувством». Коллективизм — это прежде всего творческое отношение человека к своей работе, умение соотносить все делаемое с общими усилиями класса, общества, создающего новый мир. «Человек должен быть выше и шире своей работы, тогда его работа будет лучше. На работу надо смотреть как на игру оркестра музыкантов: они играют на различных инструментах, а получается превосходная музыка». Вот к такой музыкальности, к такому единодушию и должен стремиться рабочий класс. Но для этого человек должен не только все уметь, но и все знать.

Лишь в этом случае он не окажется снова между наковальной «работищи» и молотом «скучищи».

Здесь, кстати, главная причина поистине фантастической жадности к знаниям, отличавшей самого Горького. Источником знаний для него было все: природа, люди, книги, картины... С неподдельным волнением он встречал каждого нового человека. «Я чувствую себя моложе моих лет потому, что не устаю учиться», — записывал он на склоне лет. В дошедшей до нас последней библиотеке Горького насчитывается десять тысяч книг; на полях многих из них пометки, свидетельствующие о внимательном чтении. Для Горького познание было действительным наслаждением; мысль о том, что он мог чего-то не узнать, была для него непереносима. Сохранился очень интересный набросок, в котором сквозь шутку прорывается ненасытное стремление писателя знать все:

«Память работает уже с «перебоями» и все чаще вскакивают серые пузыри весьма отдаленных глупостей. Ночью сегодня вспомнил: Лаптев, здоровенный канавинский подросток и боец, спросил меня, мальчишку лет 8—10:

— А знаешь, кто был Ирмоген Кумоха, по прозвищу «На Рождестве»?

Он спросил подавляюще, величественно, а я считал его дураком. Очень обидно было убедиться, что он знает что-то, чего я не знаю. И долго, во всех книгах, которые попадали в мои руки, я ожидал, что встречу этого Ирмогена. Так и до сего дня не знаю: кто был Ирмоген, да еще — Кумоха, да еще с прозвищем «На Рождестве»? А Лаптев — жив, недавно прислал мне письмо, просит помочь ему, бедствует. Он старше меня, должно быть, лет на 5—7. Да, жив, и, возможно, думает: знаменит стал, а Ирмогена Кумоха — не знает!»

И хотя Горький так и не узнал, кто такой Ирмоген, да еще Кумоха, да еще по прозвищу «На Рождестве», он больше, чем кто-либо другой, имел право сказать, что писатель нового мира обязан знать все или — как можно больше.

Беспримерны жизнь Горького и его подъем на вершины мировой культуры. Вместе с тем сам писатель был глубоко прав, когда утверждал, что Октябрьская революция лишила исключительности «историю Алексея Пешкова»; смысл ее «не в том, что некий Алексей Пешков, преодолев малограмотность и кое-какие внешние препятствия на своем пути, сделался известным литератором; — суть и смысл факта в том, что если человек захочет, он может сделать себя таким, каким желает быть. Вот что должна понять молодежь, и это очень важно для нее как пример для соревнования. Однако следует помнить, что соревнование не есть подражание и что цель соревнующегося — быть не таким, каков Икс, а лучше Икса.

Вообще случай М. Горького уже нельзя считать исключительным

случаем... Случаи выдвижения различных талантов принимают характер явления массового, это свидетельствует о душевном здоровье рабоче-крестьянской массы, о ее воле к творчеству новых форм жизни и о том, что идея коммунизма нашла в русском трудовом народе действительно плодотворную почву и что Октябрьская революция действительно дает выход творческим стремлениям массовой энергии».

Это давало Горькому дополнительные силы для колоссальной работы, выполненной им в последние годы жизни. То был один из самых трудных периодов истории человеческого развития. Капитализм все сильнее запутывался в неразрешимых противоречиях. Над миром сгущалась атмосфера ненависти. В Италии, в ряде других капиталистических стран господствовал фашизм. Социальная ложь, цинизм потоками заливали землю. Встречаясь с писателями, учеными, журналистами многих стран, получая от них письма, Горький все острее чувствовал, как они растерянны, как им трудно жить и работать, сознавал, что это усложняет и дело строительства социализма в нашей стране. Живя в Сорренто, он записывал: «На каждого нового человека я набрасываюсь с жадностью, которая, наверное, многими принимается как выражение «тоски по родине» и как старческая болтливость. Но — я хорошо знаю, что это не так. Нет. Меня все более одолевает и волнует жалость к человеку, — безразлично, каков он. Особенно больно жалеешь людей талантливых и честных. Невыносимо трудно им и будет все трудней. Вероятно, не было эпохи, когда бы честный человек являлся в такой ужасающей степени лишним человеком, как он является в эти дни».

Вместе с Барбюсом, Ролланом Горький развивает кипучую деятельность по объединению всех честно мыслящих людей мира. Он пишет сотни писем, множество статей, неутомимо разъясняя «гуманитариям всех стран», что капитализм больше не нуждается в их «товаре». «Для целей капитализма гораздо более удобен фашизм — последний крик буржуазной мудрости, последний, но не новый... Фашизм — это псевдоним социального цинизма, — я имею в виду не цинизм Диогена, а настроение старого разбойника, который привык убивать, грабить...»

Известно, с какой бескомпромиссностью ставил Горький перед интеллигенцией всех стран проблему выбора. С тех пор как писатель ушел от нас, человечество пережило не одно страшное потрясение, не раз капиталистический мир схватывался не на жизнь, а на смерть с вытесняющим его с исторической арены миром социализма. «И в этом борении миров, — говорил в связи со столетием со дня рождения писателя Ч. Айтматов, — в этом кипении истории, среди хаоса и разброда в одной части западной интеллигенции, среди разочарования и растерянности другой ее части, среди откровенных призывов к «дегероизации», к «деидеологизированию» искусства,

среди неверия в разум человека и утверждения его «некоммуникабельности» с себе подобными и окружающим миром вещей, среди скрытых и открытых усилий освободить человека от чувства ответственности, сделав невозможным осознание им своего человеческого и гражданского долга, среди разнузданной проповеди насилия, низменных инстинктов, универсальной модели пресловутого «сверхчеловека» — среди всего этого, среди оглушающего бума «массовой», «коммерческой», «индустриальной» и прочих поделок «суперкультур», призванных устранять драматизм противоречий, успокаивать и обольщать обывателя, среди всего этого судорожного метания вновь и вновь раздается с нашего берега неумолкающий голос Горького: «С кем вы, «мастера культуры»?»

Конечно же, Горький хорошо знал, какого мужества, бесстрашия, какой последовательности требует от человека решение этого вопроса, знал, что далеко не каждого, кто не понимает принципов коммунизма, можно причислить к прямым или косвенным идеологам мещанства. Воинствующий противник индивидуализма, он в то же время призывал к осторожности, когда мы сталкиваемся с такими, например, явлениями, как защита многими писателями из капиталистических стран «свободы духа», «личной независимости». «Стремление к личной независимости, — говорил он, — у многих объясняется отвращением к этой грязной, бесстыдно обнаженной, болезненной жизни». Но поэтому-то он и считал, что в данном случае наш диалог с интеллигенцией капиталистических стран должен быть открытым, принципиальным. Посылая Бела Куну свою антифашистскую статью «Пора понять», Горький писал: «Мне кажется, что с интеллигенцией, наиболее радикально настроенной, следует говорить именно таким языком. Напугает или возмутит он только тех людей, которые ни в каком случае не пойдут с пролетариатом».

Сохранились заметки, сделанные Горьким в самые последние дни жизни, когда он уже знал, что умирает. По ночам, стремясь не разбудить заснувших «сиделок», он брал в руки перо или карандаш и на небольших листочках бумаги записывал фамилии, прозвища людей, когда-то встреченных на дорогах жизни, но не попавших в созданную им человеческую галерею. Записывал диалоги, не использованные в работе, мысли, которые нужно было сообщить или еще раз напомнить людям. Чтобы закончить статью, я выбираю из них следующую: «Единственная идея, общечеловечески умная, несокрушимо выкованная всей историей, историей классово-борьбы, идея необходимости перехода власти от буржуазии к пролетариату, с каждым годом все более утверждает свою обязательность, неизбежность, несокрушимость, свою победу».

НАШ ГОРЬКИЙ

Горький вошел в историю мировой культуры как основоположник искусства социалистического реализма. Первым в художественной литературе он взглянул на мир глазами класса, возглавившего борьбу трудящихся за переустройство жизни на основах коммунизма, внес дух этой борьбы в свое творчество. Его произведения — величественная, многогранная и многокрасочная художественная летопись, в которой запечатлен имеющий всемирное значение переход нашей страны от капитализма к социализму. В центре этой вечно живой летописи — народ, представленный бесчисленной вереницей неповторимо своеобразных, не тускнеющих от времени пластических образов-типов.

Творчески усваивая и развивая лучшие достижения таких великих предшественников, как Пушкин, Гоголь, Лев Толстой, художник пролетариата Горький совершил громадный шаг вперед в раскрытии героических черт русского национального характера. Он показал становление и формирование нового социально-психологического типа — пролетарского революционера. Это — крупнейшее художественное открытие; оно принесло с собой в литературу целый мир новых идей, тем, конфликтов, сюжетов, рожденных самой действительностью, и, по выражению писателя, обеспечив «гарантированное» будущее новому искусству, придало ему жизнеутверждающий пафос.

Прежде чем стать писателем, Горький сам вместе с обездоленными и эксплуатируемыми проходил суровую, закаляющую школу труда, вместе с ними узнавал своих друзей и врагов, медленно, но упорно пробивался «к свободе, к свету». Обо всем виденном и пережитом он и поведал миру в первых произведениях, стремясь быть «правдивым голосом жизни, грубым криком тех, которые остались там, внизу». От их имени он предъявил эксплуататорскому обществу грозное обвинение в том, что это общество извратило самую основу человеческого существования — труд, обесмыслив его, превратив в тяжкую обязанность.

Горький выступил как продолжатель реалистических традиций в русской литературе. Он бесстрашно рисовал картины чудовищного порабощения народа в капиталистическом обществе. И все-таки они не производили на читателей безотрадного впечатления. Пребывание на дне жизни породило у Горького не только испепеляющую ненависть к эксплуататорскому строю, но и непоколебимую веру в исключительную талантливость простого русского человека, в неисчерпаемость его ума, великодушия, героизма. Уже на первом этапе сознательной деятельности Горький был непримиримым противником пресловутой теории «героев» и «толпы». Позднее он вспоминал, что и в молодые годы для него «толпа» являлась «сборищем кандидатов в герои».

«Мы, — замечал он, — все родимся и живем героями. И когда это будет понято большинством — жизнь станет насквозь героической» (Архив А. М. Горького). Это привело к тому, что в его произведениях беспощадному изображению социальной действительности, в которой человек «раб — как только родился, всю жизнь раб, и все тут!», — внутренне противостоит мужественная вера: человек может и должен быть прекрасным и могучим. Эта вера освещает произведения писателя особым светом человечности.

Вера Горького в человека проявляется и в том, что даже самые тяжелые драмы, как правило, изображаются им на фоне яркой, играющей всеми красками природы. В ранних рассказах писателя много солнца, воздуха, травами и свободой пахнет ширь степная, всеми красками переливается могучее море, неумолчно распевая гимны «безумству храбрых».

Творчество раннего Горького непрерывно озаряется вспышками надежды на очищающую бурю. По мере роста революционных настроений в трудовом народе, все более глубоким выразителем которых становится Горький, эти вспышки воспринимаются как зарницы приближающейся грозы. Широко раздвигая границы своего творчества, захватывая в его орбиту все новые сферы жизни, писатель глубоко и всесторонне изображает революционное пробуждение народа. Мы видим, как, вызванные чудовищной эксплуатацией, голодом, нищетой, бесправием, недовольство, протест, гнев, тоска по лучшей жизни охватывают десятки, сотни, тысячи, наконец, миллионы людей.

Среди пришедших в движение огромных человеческих масс, изображаемых Горьким, закономерно возникает, все более рельефно вырисовывается могучая фигура «бойца, рабочего, мстителя». Появляется новый герой, которому принадлежит будущее. Шаг за шагом прослеживает писатель, как растет и крепнет в пролетарской среде общественное начало, как рабочий класс становится борцом за осуществление самых высоких идеалов. Рабочие-революционеры в изображении Горького — новые люди, истинные хозяева жизни. Помогая большинству трудящихся осознать себя героями, они смело берут на себя ответственность за будущее страны, народа, всего человечества. И мы верим, что они добьются своего, ибо живут «не словом, а страстью к деянию, к действию».

Горький первым в мировой литературе изобразил героизм пролетарского освободительного движения, самоотверженность, духовное величие революционеров — преобразователей жизни. Художник показал, что революционную борьбу ведут люди честного труда, люди такой интеллектуальной мощи, душевной красоты, нравственной силы, которые возвышают их над всеми героями прошлого. Горький раскрыл подлинную романтику большевистского подполья, требующего от человека большой смелости, стойкости,

выносливости, бесстрашия во имя достижения великой цели. Героизм пролетарских борцов — это не «героизм на час», а «героизм на всю жизнь». И это отличает их от всех героев старой классической литературы.

Новым человеком был и сам художник. Одна из главных особенностей Горького заключалась в том, что в нем великий писатель и великий гражданин были нераздельны. Писатель жил самыми высокими думами и стремлениями своего народа, и поэтому все возвышенное, все самое гуманное, что было, что могло быть в мире, вмещала в себя его большая и чуткая душа. Пользуясь словами самого Горького, можно сказать, что его душа никогда не переставала быть «золотой арфой, отражающей все звуки жизни — весь смех, все слезы и голоса ее».

Достаточно указать на замечательную реалистическую историю русского общества, созданную писателем после 1905 года. Менее чем за десять лет Горьким было написано десять повестей и романов, восемь пьес, несколько книг рассказов, очерков, сказок, памфлетов. В одних произведениях доминирует патетика, в других — сатира, в одних преобладают светлые краски, в других — мрачные, в одних жизненные картины и образы создаются крупными, размашистыми мазками кисти, в других зарисовываются тонким, острым пером. Взятые же как целое, они воссоздают неповторимую картину «потревоженной России», в глубинах которой происходят гигантские сдвиги, показывают, что героическая борьба российского пролетариата вносит брожение во все слои русского народа и что в недрах его зреет величайшая революция.

После Великой Октябрьской социалистической революции Горький еще более расширяет рамки этой гигантской картины, делает ее глубже и многограннее в таких классических произведениях, как своеобразная художественная анатомия русского капитализма — повесть «Дело Артамоновых», монументальное эпическое повествование о сорока годах русской жизни — роман Жизнь Клима Самгина, как драматургическая диалогия «Егор Булычев и другие» и «Достигаев и другие», рисующая вызванный пролетарской революцией разлом старого мира изнутри. Нет, это не исторические романы, повести и драмы, хотя из них можно получить представление о русской жизни за целое пятидесятилетие, предшествующее Октябрьской социалистической революции. Приступив к работе над «Делом Артамоновых», Горький сообщал М. Ф. Андреевой: «Теперь же занят тем, что хочу вчерашний день, очищенный от мелочей, связать с сегодняшним, надеясь, что сегодняшний от этого будет понятнее и оправданней» (Архив А. М. Горького). Действительно, послеоктябрьские произведения — это произведения, утверждающие неминувность крушения капитализма и закономерность победы социалистической революции в России.

История русского общества, художественно воссозданная Горьким, по глубине понимания социальных отношений, беспощадности изображения устоев частнособственности, по многосторонности охвата действительности, богатству человеческих характеров не уступает «истории французского общества» в «Человеческой комедии» Бальзака и «Истории Второй империи» в «Ругон-Маккарах» Золя, по ясности же видения перспектив развития жизни и изображению реальной силы, несущей миру избавление от всех форм человеческого порабощения, неизмеримо превосходит их.

В основе картины, созданной Горьким, лежит по преимуществу материал старой российской действительности. Но ведущие закономерности развития этой действительности выявляются писателем с такой глубиной, с таким пониманием основ буржуазного существования, что картина воспринимается как типичная для всего капиталистического мира в период его заката.

С поразительным художественным мастерством показывая исчерпанность творческих возможностей буржуазной личности, оскудение и банкротство «командующих классов», Горький противопоставляет им созидательную мощь революционного народа, возглавляемого ленинской гвардией. Им создана блестящая галерея ярчайших характеров, формирующихся в огне революционной борьбы и социалистического строительства. Ее увенчивает монументальный образ В. И. Ленина.

Для Горького Ленин — самое полное, самое глубокое выражение неиссякаемых творческих сил революционной России, Коммунистической партии, российского пролетариата, русского народа, олицетворение организующей и вдохновляющей роли нашей партии в переустройстве жизни на социалистических основах, символ нового мира, нового человечества, его великого будущего. Поэтому тема Ленина, образ Ленина, мысль Ленина сопутствуют Горькому, освещают ему путь в течение почти всей его сознательной жизни. После смерти В. И. Ленина великий мастер слова в своем знаменитом очерке воссоздает живой, немеркнувший образ гениального учителя и вождя трудящихся всего мира. Горький постоянно с глубочайшей любовью вспоминает о В. И. Ленине в публицистических статьях, заметках, речах, беседах. В сборнике «В. И. Ленин и А. М. Горький» помещено немало ценных высказываний писателя о В. И. Ленине. Вот еще одна горьковская заметка, оставшаяся пока не напечатанной: «И только колоссальная фигура гениального В. И. Ленина, возникшая из учения Маркса — Энгельса, просто, ясно, прямой линией указала путь к действительному освобождению» (Архив А. М. Горького).

Определяющую черту В. И. Ленина как нового вождя новых масс Горький видел в его умении в любых условиях сохранять неразрывную связь со своим народом и правильно выражать его чаяния и стремления. Среди неопубликованных материалов писателя сохра-

нился следующий набросок: «Летом 902 года, ночью, на корме парохода между Нижним и Казанью, бородатый старик обычного типа «странников», — в подряснике, в измятой поповской шляпе равнодушно и тихонько рассказывал небольшой — человек пять — группе палубных пассажиров о бунте крестьян Харьковской и Полтавской губерний. Рассказ был угнетающий, ночь темная, пароход шел встречу грозы. «Пистолетишков бы дать им каких-нибудь», — вздохнул один из слушателей. Обстановка и настроение были таковы, что этот «глас народа» прозвучал безответно. Наверное, я позабыл бы о нем, если б в том же году, зимою, кто-то из членов Нижегородского комитета партии, кажется, В. А. Десницкий-Строев — «Лопата» — не сообщил мне, что «Ленин пишет о вооруженном восстании». В то время радий был еще новорожденным, о радиоприемниках даже и не мечтали. А вот теперь, неволью сопоставляя ночной, тихий «глас народа» с первым заявлением Владимира Ильича, еще раз вспоминаешь его совершенно изумительное ощущение требований истории, его чутье настроения рабочих масс. Какой великолепной лабораторией революционных идей были голова и сердце этого человека» (Архив А. М. Горького).

Восторженно рассказывая об успешном строительстве социализма в СССР, Горький отмечал, что образ Владимира Ильича «часто встает в памяти на богатой этой земле, где рабочий класс трудится, утверждая свое могущество». В годы строительства социализма в нашей стране Горький не раз называл себя счастливым человеком, при жизни которого начали осуществляться лучшие мечты, лучшие надежды человечества и величайшая из них — уничтожение классового строя, организация жизни на началах коммунизма.

Эта мечта раскрывалась великим писателем в художественных произведениях и публицистике в форме картин будущего бесклассового общества как мечта его положительных героев, рабочих революционеров-коммунистов, как неотъемлемая часть их великого учения. Наиболее яркое выражение она нашла в статье «Владимир Ильич Ленин». Статья была написана в 1920 году, то есть тогда, когда советский народ, находясь в кольце экономической блокады, организованной международным империализмом, только приступал к строительству нового мира. Страна лежала в развалинах. Рабочий класс и трудовое крестьянство страдали от голода, холода, эпидемий. Тем замечательнее, что именно тогда Горький с восхищением нарисовал картину будущего, которое вставало в воображении нашего вождя, освещающая, как мощный прожектор, путь вперед всему трудовому человечеству. Он писал:

«...Иногда дерзость воображения, обязательная для литератора, ставит предо мною вопрос:

— Как видит Ленин новый мир?

И предо мной развертывается грандиозная картина земли, изящно ограненной трудом свободного человечества в гигантский изумруд. Все люди разумны, и каждому свойственно чувство личной ответственности за все, творящееся им и вокруг него. Повсюду города-сады — вместилища величественных зданий, везде работают на человека покоренные и организованные его разумом силы природы, а сам он — наконец! — действительный властитель стихий...

Облагороженный технически, осмысленный социально, труд стал наслаждением человека. Действительно освобожден, наконец, разум человека — самое драгоценное начало в мире — и, действительно, разум стал бесстрашен».

С чрезвычайной образностью воспроизводя мечту великого вождя трудящихся о коммунистическом будущем, Горький говорит о ней как о мечте всех героев Великой Октябрьской революции и как о собственной заветной мечте. Путь к претворению ее в действительность он видит во всенародном овладении двумя силами — знанием и трудом. Он слагает вдохновенные гимны всеильной, свободной человеческой мысли и свободному труду, преобразующим мир. В противовес старинному афоризму: «война выдвигает героев» — он прославляет рождающуюся из самой сущности нового мира истину: настоящим героем является творец, строитель, преобразователь, революционер. На заре социалистического строительства в нашей стране он пишет знаменательные слова: «...Не войны и грабежи творят славу человеческого рода, а только мирный труд» (Архив А. М. Горького).

Путешествие по СССР, совершенное писателем в 1928—1929 годах, бесчисленные встречи с коллективами советских людей, воздвигавшими новые заводы, фабрики, гидроэлектростанции, дворцы науки и культуры, создававшими колхозы и совхозы, привели писателя к непоколебимому убеждению: народ успешно осуществляет заветы Ленина, превращает в реальность его великие предначертания. «Несомненно,— заявил Горький, выступая на пленуме Моссовета в 1928 году,— что одна из величайших, единственно великих идей — идея коммунизма — упала на какую-то чрезвычайно плодотворную почву».

Эту великую идею, идею коммунизма, Горький с пламенной страстью воспевал в своей художественной публицистике.

Писатель часто говорил, что он никогда не чувствовал себя «исключительно литератором» и всю жизнь занимался общественной деятельностью. И это действительно так. Горький много энергии отдавал организаторской работе и часто выступал как публицист. Могучую силу его публицистического слова признавали даже самые непримиримые противники. Один из них, Н. Минский, писал о «Заметках о мещанстве»: «Силой же они дышат поистине богатырской. Они мечут, дробят, сокрушают».

Пожалуй, еще большей силой отличались созданные Горьким в эпоху первой русской революции знаменитый цикл сатирических очерков «В Америке» и книга обжигающих памфлетов «Мои интервью». Жизнь Нью-Йорка, Парижа, Берлина дала писателю неисчерпаемый материал для обличения бесчеловечной сущности капитализма, какой бы формой правления этот строй ни прикрывался. Ставя в один ряд «короля, который высоко держит свое знамя», «прекрасную Францию», «русского царя» и «одного из королей республики», Горький тем самым отмечал существование внутренней общности в главном между самыми деспотическими формами эксплуататорских государств. И там, где правит буржуазный парламент, формально избранный «всеобщим голосованием», и там, где у власти стоит неограниченный монарх, фактическими «хозяевами жизни» остаются небольшие кучки богачей. Капитал, этот Желтый Дьявол, сковал человечество цепями рабства, превратил жизнь большинства в каторгу, подчинил все одной цели: ослепить, оглушить, изуродовать рабочих людей, «научить их жить на земле смиренно и послушно законам», чтобы беспрепятственно выжимать из них кровь и пот, превращая их в доллары.

Горький смотрел на мир, в котором правит Желтый Дьявол, с высоты социалистического идеала. Отсюда гневный сатирический характер его очерков и памфлетов. Отсюда же не покидающий писателя оптимизм. Даже в американской действительности тех лет он находил признаки того, что позволяет надеяться на «выпрямление» человека в будущем. Книги «В Америке» и «Мои интервью» проникнуты страстным желанием видеть человечество воистину свободным, объединенным в одну могучую трудовую семью. Характерно, что тогда же, когда создавался «Город Желтого Дьявола», Горький писал в одной из статей: «Я вижу в будущем на берегах Берингова пролива две статуи, подобные статуе Свободы в Нью-Йорке. Они простирают свои руки через пролив; они объединяют две наиболее демократические семьи мира в одну великую семью» (Архив А. М. Горького).

Во имя приближения этого будущего Горький неумоимо разоблачал «империалистически настроенных янки». В частности, еще полвека тому назад он предостерегал: «Развитие империализма в Соединенных Штатах Северной Америки, несомненно, приведет к его политическому и экономическому вторжению в страны Южной Америки».

В послеоктябрьском творчестве писателя чрезвычайно важное место занимают статьи, речи, памфлеты, направленные против реакции, фашизма, военных авантур международного империализма. Всемирное движение борцов за мир, превратившееся в наши дни в могучую силу, по праву признает Горького одним из своих зачинателей. Он и был признанным организатором прогрессивных деятелей культуры всех стран. Они же видели в нем пример без-

заветного служения художника своему народу, миру, прогрессу человечества. Статьи, очерки, памфлеты Горького, основанные на неопровержимых фактах, дающие наглядное сопоставление нового мира с капиталистической действительностью, являлись безотказно действующим оружием борьбы против иллюзий и фетишей, мешающих зарубежной интеллигенции находить правильный выход из тупика, в который завел человечество империализм. Горький, как справедливо сказал Р. Роллан, сыграл выдающуюся роль связующего звена между самой могущественной революцией и веками всемирной культуры.

Горький убежденно отстаивал выдвинутый Советским правительством план всеобщего разоружения. Отказ буржуазии принять советские предложения о полном или хотя бы частичном разоружении, проповедь «неустрашимости» войн он назвал «циничным бесчеловечием». Разоблачая постоянные стремления империалистов и их дипломатов подменить проблему разоружения «признанием необходимости вооружаться», Горький твердо верил в возможность предотвращения европейских и мировых войн путем сплочения всех людей доброй воли вокруг последовательного защитника дела мира — Советского Союза.

Горький жил жизнью народа и в своей художественной публицистике с большим мастерством запечатлел неповторимый образ нового мира — Союза Советов, образ нового человека — борца, строителя. Говоря о новом советском человеке, писатель неизменно подчеркивал, что он во всем противоположен «старому» человеку, «герою-индивидуалисту, той «сильной личности», на которую делала ставку буржуазия. Неразрывная связь советского человека с народом, коллективизм, приоритет общественных интересов над личными не лишают новую личность яркой индивидуальности, а, наоборот, способствуют более полному ее проявлению. В ряде блестящих статей Горький подверг сокрушительной критике живую буржуазную легенду о подавлении личности в СССР, раскрыв процесс взаимного обогащения личности и коллектива. Он писал: «Неоспорима воспитательная сила массы: энергия ее заряжает единицу, единица отражает этот заряд обратно в массу». В книге «Россия» А. Барбюс, излагая содержание своей беседы с Горьким в 1928 году, привел следующую горьковскую характеристику положения личности в новом мире: «Коммунизм не обесценивает, а, наоборот, окрыляет ее!»

Горький неопровержимо доказал, что и в условиях буржуазного общества растапываемая Желтым Дьяволом человечность не исчезает из жизни. Она мстит за свою поруганную честь, возрождаясь с невиданной силой и в новом качестве в том классе, который ниспровергает царство Желтого Дьявола.

Так же, как художественное творчество, публицистика Горького проникнута глубочайшим человеколюбием. Писатель решительно

противопоставляет свой взгляд на человека всему тому, что говорили и до сих пор говорят о человеке буржуазные философы, писатели, богословы. Безоговорочно отвергая их попытку искать решающую причину всех противоречий жизни «внутри человека», писатель кладет в основу своего взгляда социальные условия жизни и труда. Это позволяет ему видеть в человеке самое великое чудо и творца всех чудес на земле, строителя, философа, революционера, порождает у художника веру в неисчерпаемость человеческих сил и возможностей, в то, что движению человека «все — вперед! и — выше!» не будет конца. Человек не ничтожество, а великан. Условия, в которых он действовал на протяжении веков, заставляют удивляться не тому, что у него немало недостатков, а тому, что «он все-таки хорош». В статьях последних лет Горький конкретизирует свой взгляд в серии превосходных афоризмов: «Человек — умница...», «Чем дальше человек будет жить, тем больше он будет хотеть», «Хорошо делать — значит хорошо жить», «Человек человеку должен быть только сотрудником, другом, соратником, учителем, а не владыкой разума и воли его». Такой взгляд, позволяя подходить к человеку с наибольшим оптимизмом, в то же время делает любовь к нему исключительно требовательной, заставляющей непримиримо относиться к его недостаткам, предрассудкам, предубеждениям.

Отмечая, что в Советском Союзе успешно осуществляется мечта о Человеке с большой буквы, Горький решительно осуждал такие пережитки в сознании и психологии отдельных советских людей, как эгоизм, честолюбие, недооценка труда, мещанская страсть к накоплению вещей, стремление некоторых молодых людей перенести на себя заслуги своих отцов. Он именовал подобных людей кандидатами в паразиты.

Все эти выступления Горького не теряют своего значения и в наши дни, помогая воспитывать советскую молодежь в духе коллективизма, трудолюбия, верности и преданности Советской Родине.

На всех этапах развития советской литературы Горький оставался ее великим мастером и признанным руководителем. Он был крупнейшим авторитетом в области культуры и искусства, который, подобно огромному магниту, притягивал к себе всех, кто обладал художественным даром, учил, воспитывал, помогал «найти себя». И дело тут не только и даже не столько в том, что к нему тянулись все, кто испытывал «писательский зуд», сколько в том, что он сам все видел, все замечал, сам вовремя приходил к собратьям по перу со словом одобрения, с мудрым советом или с товарищеской критикой. Горький сознавался, что трепет каждого нового таланта вызывает у него непреодолимое желание «ковром лечь под ноги ему, дабы легко и без лишней траты сил шел он к своей высоте».

По образному выражению Л. Леонова, современная генерация писателей вся вылетела из широкого горьковского рукава. Подавляющее большинство писателей, вступивших в литературу в первые два десятилетия Советской власти, в «школе» Горького получили высшее литературное образование. При этом каждый из них учился по-своему, каждый находил в уроках учителя то, что помогало его дарованию. Поэтому, развиваясь под согревающим взглядом такого строгого, но заботливого учителя, каким был Горький, таланты писателей не теряли своей свежести и оригинальности, а становились более яркими и неповторимыми.

В то время, когда участники существующих тогда различных литературных групп вели шумную борьбу за право считать только себя истинными революционерами в искусстве, Горький останавливал свой взгляд на каждом талантливом писателе, окружал его вниманием и тактично помогал ему правильно разобраться в новой действительности, укрепиться на позициях глубокого реализма. Он то знал, что в соединении с подлинным талантом это быстрее всего может привести писателя к новому, революционному искусству. Отсюда совсем не следует, будто Горький игнорировал борьбу, происходившую в литературе, считал ее случайной и т. п. Он понимал, что она порождается сложностью и противоречивостью условий, в которых приходилось строить первое в мире социалистическое государство. Отличие Горького от многих участников литературной борьбы тех лет заключалось не в том, что он будто бы стоял вне схватки или над нею, а в том, что, принимая самое активное участие в ней, он руководствовался строго принципиальными соображениями и никогда не терял из виду главной цели борьбы. С одинаковой непримиримостью относился он к недооценке творческих возможностей пролетариата одними, к проявлению «комчванства» другими. В главном существе своем горьковская борьба за народность, партийность литературы, ее верность правде жизни, теснейшее сближение с действительностью и отражение ее в наиболее действенных, высокохудожественных формах развивалась в одном русле с линией Коммунистической партии в области искусства. И если уж говорить об «особенном» в линии Горького, то это «особенное» состояло в том, что он внес в советскую литературу особенно большой вклад и как художник, и как публицист, и как литературный критик, редактор, организатор и воспитатель советских писателей. Вот почему он помог партии перетянуть на нашу сторону большинство литературных Архимедов.

С приездом Горького в СССР в 1928 году Коммунистическая партия получила самого деятельного и неутомимого борца за консолидацию писателей на принципиальной основе, за активное включение их в социалистическое строительство. «Кружковщину, дробление на группы, взаимную грызню, колебания и шатания,— писал он 30 сентября 1930 года,— я считаю бедствием на фронте литературы» (Архив А. М. Горького).

Неоценимый вклад внес Горький в разработку основных принципов эстетики социалистического реализма. В его выступлении эти принципы формулировались на основе критического освоения и развития художественного опыта всего человечества. Великий писатель был убежденным защитником ленинского принципа партийности литературы. По его утверждению, литература никогда не была и не может быть частным делом того или иного литератора, писатель всегда «глаза, уши и голос класса». Горький убежденно писал: «Рабочий класс говорит: литература должна быть одним из орудий культуры в моих руках, она должна служить моему делу, ибо мое дело — общечеловеческое дело».

В советской литературе Горький видел могучее средство познания и переделки мира. Но познает мир и помогает его переделывать литература специфическими средствами, избирая своим главным объектом человека. Отсюда — замечательное горьковское определение литературы: человековедение-народоведение.

Через все горьковские статьи последнего периода проходит мысль об утверждении нового, растущего, положительного, как о доминанте искусства социалистического реализма, «назначение коего не только критически изобразить прошлое в настоящем, но главным образом — способствовать утверждению революционно достигнутого в настоящем и освящению высоких целей социалистического будущего».

Горький неустанно повторял, что в центре советской литературы должен быть главный герой нашего времени — революционер, творец, строитель и защитник нового мира, отличающийся духовным богатством, красотой души, нравственной цельностью, индивидуальной самобытностью, неповторимостью. Воссоздать этот образ во всем его величии, во всей многогранности советские писатели смогут лишь в том случае, если упорно, настойчиво будут изучать жизнь, находясь в самой гуще ее. Горький горячо приветствовал поездки писателей на стройки социализма, длительное пребывание их на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах. «В наши дни, — говорил он, — поставлен вопрос о необходимости более тесного сближения искусства с действительностью, об активном вторжении литературы в жизнь эпохи, основное содержание которой — социальная революция». И — в другой раз: «У нас какие-то нелады с действительностью. Надо ее шире обнять, глубже понять! Надо глубже войти в нее». Именно из этих рассуждений и родился его замечательный афоризм: «Литератор должен знать если не все, то как можно больше».

С гордостью отмечая тот факт, что «в мире никогда и нигде еще литература не ценилась так высоко, как ценят ее в Союзе Советов», писатель связывал это с возрастающей ролью литературы в коммунистическом воспитании народа. «Две силы, — говорил он, — наиболее успешно содействуют воспитанию культурного человека: искусство и наука. Рядом с естественными науками не менее — если не более —

могучим средством воздействия на разум и волю человека служит художественная литература». Горький призывал писателей быть достойными великой роли воспитателей Человека с большой буквы — строителя коммунизма.

Все эти идеи Горького приобретают еще более важное значение в наши дни, когда Коммунистическая партия всемерно подчеркивает общественное назначение художественной литературы, что нашло свое выражение в ряде решений ЦК КПСС, посвященных вопросам дальнейшего развития искусства и литературы.

Строительство коммунизма в нашей стране Горький рассматривал как величайшее всемирно-историческое дело. Коммунизм несет с собой преобразование жизни на основах подлинной человечности. Великий писатель не сомневался в том, что, несмотря ни на какие международные бури, победа будет за коммунизмом. «Человечество,— пророчески писал он,— не может погибнуть оттого, что некое незначительное его меньшинство творчески одряхлело и разлагается от страха пред жизнью и от болезненной, неизлечимой жажды наживы. Гибель этого меньшинства — акт величайшей справедливости, и акт этот история повелевает совершить пролетариату. За этот великим актом начнется всемирная, дружная и братская работа народов мира,— работа свободного, прекрасного творчества новой жизни».

Творчество Горького не стареет, не меркнет. Сегодня так же, как и десятки лет назад, оно помогает нам строить новую жизнь, формировать нового человека, помогает трудящимся капиталистических стран в их героической борьбе за свободу и независимость. Творчество Горького бессмертно, как бессмертен народ, давший миру великого писателя. «Умирает человек — Народ бессмертен и бессмертен Поэт, чьи песни — трепет сердца его Народа».

ГОРЬКИЙ И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Удивительна, почти сказочна судьба М. Горького. Хотя у истории, твердо верующей в неисчерпаемость творческих сил людей и потому обладающей запасом оптимизма не меньшим, чем запас ее иронии, под руками были люди даже большего писательского таланта, люди, находившиеся на вершинах человеческой мысли,— она распорядилась, чтобы новый этап в мировом художественном развитии начал человек из самых низов жизни, не получивший систематического образования.

В молодые годы он лично прошел через все круги «дантова ада», в течение почти двух лет скитался по дорогам России, как перекати-поле, брался за любую работу (землекоп, грузчик, садовник,

батрак). На вопрос майкопского жандарма о причине «бродяжничества» ответил: «Хочу знать Россию». На самом себе испытал каторжность подневольной работы, но, выдюжив все, не разочаровался в самом труде, а, напротив, «первый в русской литературе и, может быть, первый в жизни вот так, лично, понял величайшее значение труда — труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире».

Осенью 1892 года в Тифлисе был написан первый рассказ — «Макар Чудра». С ним в России родился новый писатель.

Счастливая встреча с передовыми шеренгами рабочего класса, с такими его глашатаями, как Василий Шелгунов, Петр Заломов, Дмитрий Павлов, дружба с В. И. Лениным укрепили веру писателя в то, что на свете нет ничего лучше жизни, а человек может и должен быть прекрасным, могучим. Исполненный этой всеобъемлющей веры, писатель не просто ввел в мировую литературу целый мир новых тем, идей, конфликтов, сюжетов, образов, но воссоздал с высочайшей точки наблюдения, которую обрел благодаря тому, что революционный пролетариат России принял его «как своего человека». Деятельное, положительное, пересоздающее всю жизнь на новых основах начало пролетарской деятельности повело и к полной внутренней переклассификации искусства в целом. В этом новом искусстве главным становится «изображение положительного прекрасного», о чем всю жизнь мечтал Ф. Достоевский и что называл «задачей безмерной». Уже первыми своими пьесами Горький открыл по крайней мере два характера, которые и до сих пор определяют существо важнейших споров и исканий всей литературы XX столетия. В пьесе «Мещане» — это рабочий-революционер Нил, в пьесе «На дне» — по-новому раскрытый образ «утешителя» Луки. Не новый в мировой литературе образ «утешителя» выступил у Горького в совершенно неожиданном освещении, словно вывернутый наизнанку. Горький сначала почувствовал, а потом и полностью осознал, как всем суровым ходом истории вычеркивается тип «утешителя» во всех бесчисленных его разновидностях и заменяется, говоря позднейшими словами самого писателя, «учителем революционного права рабочего класса», «деятелем, строителем нового мира» — главным героем искусства нашей эпохи.

Рабочего изображали в мировой литературе задолго до Горького и французские, и английские, и русские писатели. Но увидеть в нем носителя самой революционной мысли и самого чистого классового чувства, превращающихся под влиянием социально-исторических процессов, пережитых Россией в конце XIX — начале XX веков, в материальную силу, преобразующую мир, наполняющую категорию общечеловеческого совершенно новым смыслом, сумел первым Горький.

Что человек по природе своей добр, знали, кажется, все лучшие писатели мира, обладавшие способностью проникать в сокровенные

глубины мира и человека. Эта вера спасала от опустошающего отчаяния многих писателей. До конца осознать и мужественно провозгласить, что для проявления всех добрых начал в человеке необходимо «опрокинуть, разрушить, растоптать все старое, все тесное и грязное, все злое,— и новое создать на выкованных мыслью незыблемых устоях свободы, красоты и — уваженья к людям!» — первому под силу в мировой литературе оказалось Горькому.

Непрерывность развития мира и человека, течение его мыслей и чувств не были тайной для многих предшественников Горького в литературе. Но только Горький первым в мировой литературе стал органически воспринимать и художественно воссоздавать жизнь в непрерывном становлении, революционном развитии.

Высочайшая точка зрения на мир, беспримерно широкое и глубокое знание жизни, цельность восприятия ее в ее революционной динамике позволяли Горькому видеть мир и человека настолько глубоко, что даже В. Короленко упрекал писателя в том, что он будто бы рисует людей более умными и интересными, чем они являются в действительности. На это Горький отвечал, что лично ему редко встречались в книгах мысли, которых он не слышал раньше в жизни и что люди в его изображении должны казаться умнее только потому, что он сжимает их слова, отчего мысли становятся рельефнее. И, конечно, еще потому, что он безгранично любил простых людей, умел найти положительные начала даже в самом загнанном, забитом жизнью человеке.

Он не только верил в возрождение простого человека, но сознательно стремился помочь этому всем своим творчеством. «Я начал жизнь «игрою на повышение» интеллектуальной и волевой активности в людях. 35 лет веду эту игру сознательно, искренно и так же буду вести ее до конца дней», — писал он в 1928 году. Бесчисленные зарисовки русских людей, бьющихся над разгадкой коренных социальных и этических вопросов, в конце концов завершились в творчестве Горького созданием всеобъемлющей картины России, находящейся на крутом повороте истории. В ней — вся история русского общества, глубина понимания социальных отношений, беспощадность изображения устоев частнособственнического общества, многосторонность охвата действительности, богатство человеческих характеров.

Олицетворением новых сил в творчестве писателя являются и романтические образы Сокола, Буревестника, Человека и сменяющие их реалистические образы рабочих-революционеров — машиниста Нила, Павла Власова, Пелагеи Ниловны, Андрея Находки...

В высшей степени обладая тем, что ныне называют всеобъемлющим историзмом художественного мышления, Горький создает после Октября одно за другим монументальные обещающие полотна: «Дело Артамоновых», драматургическую дилогию («Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие»), роман-эпопею «Жизнь Клима

Самгина». В них запечатлена единая целостная картина России, движущейся к социалистической революции.

Еще гремели на окраинах первой страны рабочих и крестьян последние сражения гражданской войны, а Горький уже собирал людей, которым предстояло создать литературу, создать культуру нового типа. Соединяя в себе обязанности главного архитектора и одержимого этой великой идеей чернорабочего, он трудился неустанно, беззаветно, с редкостным даже для него энтузиазмом. «Горький заразил нас, молодых писателей,— рассказывал М. Шолохов,— мыслью создать литературу, которая станет частью общепролетарского дела. И мы самозабвенно, до жестоких споров между собой, искали новые пути в литературе, новые формы, способные выразить и объять стремления. Теперь, через толщу времени, четко проглядывается гражданская, партийная да и художественная зрелость этих спорщиков, вырвавшихся под мягким, добрым крылом Алексея Максимовича, иногда и бранившего нас за «плохие писания»...»

Слова «бранившего нас» здесь совсем не случайны. Суровость и нежность, пронизывающие творчество Горького, были свойственны всему, что он делал. Горький, говоря его же словами, действительно готов был ковром расстелиться перед рождающимся талантом. Но он вместе с тем никогда не прощал никому ни мелкотемья, ни торопливости, ни небрежности в работе, не делал скидок на молодость литературы, актуальность темы. Предельно требовательный к собственному художественному творчеству («Если б у него было время,— сказал он в третьем лице о себе самом в 1936 году,— он сократил бы 23 тома своих книг до 8»), он неуклончиво говорил самым известным писателям так, как сказал в 1936 году Вс. Иванову: «Третью часть «Факира» прочитал, не могу сказать — понравилось, ибо все время раздражало многословие, охлаждали длинноты». С такой же прямотой он писал А. Фадееву о недостатках его романа «Последний из удэге», Ф. Гладкову — о просчетах, допущенных в «Энергии». «Это еще только черновик»,— написал он П. Павленко в 1935 году, прочтя рукопись произведения, впоследствии принесшего автору широкую популярность, и тот сел за коренную его переработку. Последнее письмо к автору всемирно известного «Рассказа о великом плане» М. Горький начал так: «Дорогой мой Ильин — будет очень хорошо и вполне достойно Вас, если Вы зачеркнете этот сценарий «Разговор о погоде». Он — удачен, но как попытка влить «новое вино в старые мехи».

С самого начала организуя новую, советскую литературу как многонациональную, социалистическую по содержанию, интернационалистскую по духу, он сделал больше, чем, казалось бы, способен один человек, для собирания, сплочения ее сил, поднятия ее художественного уровня. Он неумоимо переписывался с вполне зрелыми

и только что начинающими писателями почти всех республик, краев и областей, успевая вовремя протянуть руку помощи украинцу П. Тычине, татарину К. Наджми, чувашу А. Ярлыкину, карелофинну Я. Виртанену...

Высокая требовательность Горького к самому себе и к каждому советскому писателю диктовалась его неколебимой убежденностью, что речь идет о создании литературы, открывающей человечеству путь к новым художественным вершинам. «Мастер вы, Леонид Леонов, на очень высокую гору идете», — с радостью сказал он писателю после прочтения его романа «Соть». Но этого, только этого, он желал и другим мастерам новой литературы. И не сомневался: быть им на вершине. Поэтому и выбирал для них самые величайшие ориентиры.

Новатор по существу своего художественного миропонимания и творческого метода, человек, по словам австралийской писательницы К.-С. Причард, «вобравший в себя богатство истории, философии, литературы и искусства многих народов», Горький оставался верен традициям вечно развивающегося, расширяющегося, безграничного в своих художественных возможностях реализма. Он постоянно доказывал советским писателям, что их новаторство должно опираться прежде всего на лучшие достижения реализма, в особенности русского реализма, представленного такими беспримерными вершинами, как Достоевский и Толстой. «Вот их два — Достоевский и Толстой — интернациональные писатели», — сказал он незадолго до смерти. И, радуясь распространяющемуся на весь мир свету их славы, с гордостью добавил: «Таких явлений на Западе, как эти двое, — не было».

Развитие, обогащение художественных достижений М. Горького на почве углубленного изображения действительности, человека социалистической нови открывает путь к подлинному новаторству, соединяющему поэзию и правду, глубину и ясность жизни.

ВЕЛИКИЕ ИСКАНИЯ

Жизненный путь Горького — путь художника, который испытывал вечную неудовлетворенность написанным и на вершине мировой славы продолжал искать, спорить, экспериментировать с не меньшей настойчивостью, чем в начале литературной деятельности. Вместе с ним в художественную литературу пришли босяки — «вещественное» доказательство античеловечности классового общества. Купцы, выламывающиеся из своего класса и изнемогающие под бременем разыгрывающейся в их душах борьбы. Маленькие люди, осознающие полное неустройство жизни. «Его превосходительство — пролетарий всероссийский», овладевающий самым передовым учением и превращающийся в подлинного хозяина жизни. Как уже

говорилось в предыдущей статье, крупнейшие художественные открытия удалось совершить Горькому в пьесах «Мещане» и «На дне». Новым шагом писателя в мировом искусстве явился роман «Мать», положительно оцененный В. И. Лениным, настольная книга борющихся пролетариев. В нем Горький художественно воссоздал в полный рост «человека партии», рабочего революционера, возглавляющего всенародный напор на основы частнособственнического общества. Все это были настоящие открытия большого художника.

После Октября Горький нарисовал «рабов наживы», раздавливаемых ими же затеянным делом. Одним из первых запечатлел характер воинствующего империалиста, готового ради увеличения прибылей дать денег на организацию хоть землетрясения. Раскрыл сложный процесс возвращения к народу его «блудных детей», надевавшихся найти счастье в эксплуататорском обществе с помощью богатства, высокого положения. Горький показал, как эпоха раскалывала, расщепляла одних людей («пестрые души»), усложняла и утончала других, придавала необычайную цельность, глубину и многогранность третьим. И он открыл одно из самых страшных порождений эпохи перехода от капитализма к социализму — человека, принимающего социализм не из внутренней потребности, а по каким-то другим причинам и поэтому на крутом повороте истории превращающегося в предателя или полупредателя (Карамора, Клим Самгин).

Все эти открытия, стержневые в литературе XX столетия, подобно цепной реакции, влекли за собой и другие художественные находки. Говоря так, имею в виду не только венчающие творческий путь Горького шедевры «Жизнь Клима Самгина» или «Егор Булычов и другие».

«Заметки из дневника. Воспоминания» отличаются своей мозаичностью, отсутствием фабулы, прочерченного сюжета, раскованностью формы, причудливостью композиции, смешением хронологических планов... Автор как бы сознательно использует фрагментарность произведения для того, чтобы именно мотивировки подвести под «сокращения», спустить их «под воду». Принцип же соединения набросков, этих разных кусочков, казалось бы, почти не связанных друг с другом, напоминает то, что впоследствии получит название «монтажа».

А сколько неожиданного, «не от Горького» в книге «Рассказы 1922—1924 гг.» и примыкающих к ней произведениях «Проводник», «Мамаша Кемских», «Убийцы», «О тараканах»! В рассказе «Карамора» он прибегает к тому, что называют «кинематографом чувств», «потоком мысли». Говоря о жанровом своеобразии таких произведений, как «Проводник», «Мамаша Кемских», Луначарский называл их притчами, апологами, указывал на присущую им символику. В «Голубой жизни» одна и та же действительность предстает в различных преломлениях, в том числе в восприятии человека, медленно сходящего с ума.

Эти и другие особенности рассматриваемых произведений могут кое-кого наводить на сравнение их с книгами модернизма. Но, вчитываясь внимательнее в книги Горького, мы вскоре убеждаемся в поверхностности подобных сближений, ибо обнаруживаем, что у Горького есть глубинное содержание, как правило, отсутствующее у модернистов. Оно выражается прежде всего в возникающем перед нами необычайно сложном, многогранном образе России и русского народа, находящегося в давней, все разрастающейся несоединимости с частнособственническим строем, его институтами и общественными устоями, идеологией и психологией. Мы почти физически ощущаем, как идея коренной — социальной — революции завладевает умами миллионов людей, идет от массы, из ее глубин.

Писатель пристально рассматривает и ярко рисует все, что может способствовать или, напротив, помешать новому миру в осуществлении величайшего идеала. Его панихида старому миру безжалостна и беспощадна. Это в восприятии прямых и косвенных защитников исторически изжившего себя мира зыблется, теряет плотность, превращается в хаос, в голубую тьму, исчезает действительность.

Над книгами «Заметки из дневника. Воспоминания» и «Рассказы 1922—1924 гг.» Горький работал тогда же, когда создавался «Улисс» Дж. Джойса. Русский писатель, по его словам, хотел разобраться в «хаосе», «анархии», «мусоре» современной истории, как они проявились в обыкновеннейших, подчас очень мелких явлениях повседневной русской действительности. Ирландский романист попытался сделать нечто подобное с жизненным сором из Дублина. Горький не пытался «заковать» стихию «мусора», Джойс сознательно стремился к этому. Горький подходил к «мусору» с реалистическим методом, Джойс — с «мифологическим». Результаты оказались поразительными: Горький создал книги мужества и надежды, Джойс — книги отчаяния и безнадежности. У Горького сквозь «мусор жизни», через него поднимается новый мир, мир человечности и красоты. У Джойса — в «мусоре» повседневности гаснут последние искры человечности.

Конечно, художники имели дело с разной действительностью. Но важнейшую роль играло то, что они по-разному относились к миру, к человеку, к истории, по-разному представляли себе будущее.

В истории советской литературы были моменты, когда даже некоторые опытные писатели начинали писать «рубленой прозой», создавали нечто столь же хаотически-громоздкое, сколь и неясное. Им казалось, будто подобное новаторство соответствует ритму революционных лет, позволяет передать динамичность эпохи.

Тут сказывалась не только «мода», но и то, что действительность, приведенная в хаос первой мировой войной, вздыбленная величайшей в истории человечества революцией, уже не охватывалась только приемами старого искусства.

Заботливо следя за развитием молодой советской литературы, всемерно способствуя этому, Горький в работу каждого писателя стремился внести, как хорошо сказал Федин, «тенденцию слитности: равноценно — содержания и формы», направить творческие искания так, чтобы они вели к углубленному синтетическому изображению жизни.

Сам он приступал к работе над романом «Дело Артамоновых», говорил о своем намерении «вчерашний день, очищенный от мелочей, связать с сегодняшним, надеясь, что сегодняшний от этого будет понятнее и оправданней». Другими словами: сознательно стремился к самому широкому и глубокому художественному синтезу. Опыт, приобретенный в работе над предыдущими книгами, позволил ему создать необычайно емкое произведение. Изображая три поколения русской купеческой семьи, писатель раскрыл через частные судьбы социальную закономерность подъема и угасания целого класса.

Выслушав рассказ Горького о знакомой ему купеческой семье, Л. Толстой сказал: «...это надо написать. Кратко написать большой роман, понимаете?» Таким кратко написанным большим романом и является «Дело Артамоновых». В нем наряду со многими традиционными приемами и формами художественного творчества Горький использует и новые. В частности, он охотно прибегает к переплетению авторских характеристик с несобственно-прямой речью персонажей, к внутренним монологам, к так называемому психологическому времени.

Едва закончив «Дело Артамоновых», Горький приступил к работе над самым большим своим романом «Жизнь Клима Самгина», который Луначарский впоследствии метко охарактеризовал как «движущуюся панораму десятилетий».

Что бы ни говорили противники социалистического реализма, «Жизнь Клима Самгина» была и остается одной из самых значительных книг XX столетия. Сам автор рассматривал ее как свою главную книгу. «Роману придаю значение итога всему, что мною сделано», — писал он Р. Роллану.

Образ революционной России, народа-героя показан здесь в революционном развитии, с ним соотнесены в романе-эпопее все события, поведение героев, их судьбы. Горький действительно воспринимает мир как неразрывное единство. Это придает его произведению грандиозный размах и внутреннюю цельность.

Чтобы выявить объективную сущность изображаемого, первоначально предстающего в субъективном преломлении Самгина, писатель постоянно прибегает к освещению одного и того же события с разных плоскостей, «глазами разных героев». Но если у писателей-модернистов этот прием должен подчеркнуть бессилие людей перед текучестью, мерцанием действительности, то у Горького — это сильнейшее средство выявления объективной сущности мира, его многогранности, многослойности, многомерности.

Разоблачая мещанскую «сложность» души Самгина, Горький пользуется таким приемом, как «поток сознания», но пользуется им реалистически. Порой Самгин, напуганный размахом революции, теряет ощущение грани между действительностью и кошмарами, которые рождаются в его воображении.

Многие из старых русских интеллигентов (да и не только интеллигентов) были лично зацеты последней книгой Горького. Писатель сознательно шел на это, ибо страстно желал, чтобы человечество, вступая в новую историческую полосу своего развития, оставило за порогом все болезни старого мира, все «чужое» и «чуждое» Человеку с большой буквы.

Обширный план и смелая творческая мысль позволили Горькому в «Жизни Клима Самгина» художественно воссоздать многоголосие сорока лет жизни целой России, показать, с чем человечество заканчивает свою предысторию и с чем начинает подлинную историю.

Раздумывая над причинами, порой побуждающими очень талантливых писателей XX века отдавать свои силы «формотворчеству» в ущерб подлинной художественности, Горький писал: «Материал был ничтожен, изработан и требовал от мастеров изящнейшей обработки и раскраски для того, чтоб прикрыть его изношенность».

Но даже в области «обработки и раскраски» литература XX столетия не сделала сколько-нибудь серьезного открытия, которое бы так или иначе не было знакомо Горькому, не обратило на себя его внимание. Многие из открытий были совершены или предвзяты самим Горьким, другие испытаны, трансформированы или отброшены им в процессе «поисков иной формы, иного тона» для таких произведений, как «Дело Артамоновых», «Егор Булычев и другие», «Жизнь Клима Самгина».

В эпохальном споре между реализмом и модернизмом Горький твердо отстаивал реализм. Спрашивается: почему человек, открывший или предвзявший в литературе многие формы и приемы, ныне заново открываемые «современным искусством», человек, который никогда не был противником нового в искусстве, а, напротив, вдохновлял художников на беспримерные поиски, — почему этот замечательный художник предпочитал у того же Д. Джойса «Дублинцев» «Улиссу», а всему этому — полновесный реализм, непрерывно развивающий, углубляющий, обогащающий достижения Шекспира и Сервантеса, Толстого и Достоевского, Стендаля, Бальзака и Флобера, Чехова и Роллана?

Ответ на этот вопрос можно найти в нестареющих словах С. Цвейга: «У нас нет великих писателей, пишущих для всех — Толстых, Бальзаков, Золя, Конрадов, Горьких, тех, кто настолько сильны, что могут позволить себе быть ясными, внятными».

Горький был настолько сильным, что мог позволить себе до конца

быть ясным, внятнм — быть реалистом, хорошо понимающим логику истории и поэтому открывшим новый этап в художественном развитии человечества.

ЖИВОЙ ГОРЬКИЙ

Чем дальше во времени отходит от нас М. Горький, тем крупнее становится его легендарная фигура, поражая снова и снова своей многогранностью, невиданным богатством связей с миром, историей, с современниками, со всеми областями культуры в самом отдаленном прошлом ее и в едва проклевывающихся ростках будущего. История, философия, религия, фольклор, археология, этнография, краеведение, медицина, биология, агрохимия, космология, техника, живопись, музыка, театр — все интересовало его и всюду он успел оставить свой деятельный след. С неизменной любовью к нему, но без снисходительности к его заблуждениям, относился В. И. Ленин, с которым они вели длительные, подчас перераставшие в острые дискуссии, беседы о стратегии и тактике величайшей революции. Его разговор с супругами Кюри в их парижской лаборатории был столь же содержательным, как обмен мнениями с Э. Резерфордом в Монреале или с У. Джеймсом в Кембридже, хотя М. Склодовская-Кюри, П. Кюри и Э. Резерфорд являлись основоположниками атомной физики, а У. Джеймс — одним из отцов философии прагматизма. В тонкости своих научных изысканий его, как равного, посвящали великие физиологи И. Сеченов, И. Мечников и И. Павлов, ботаник-растениевод Н. Вавилов, знаменитый садовод И. Мичурин. Ему были благодарны за понимание научных проблем и практическую помощь в их решении биохимик С. Костычев, геохимики В. Вернадский, А. Ферсман, агрохимик Д. Прянишников, металлург В. Грум-Гржимайло. В редактируемом им накануне Октября журнале отдел науки возглавлял К. Тимирязев, выделявшийся, по определению Горького, на фоне интеллигенции того времени, как Везувий. Его доброжелательность ощущал на себе К. Циолковский, неизменно именовавший Горького «писателем и мыслителем». Его познаниями в области искусства и литературы восточных и арабских народов восхищались академики С. Ольденбург и И. Крачковский. Его оценки считал окончательными Ф. Шаляпин. Его пьесы ставили К. Станиславский и М. Рейнгардт. И сам Лев Толстой не только читал и разбирал его художественные произведения, но спорил с ним о судьбах человечества, о боге, мире, женщине, о социализме, революции, народе, о дальнейших путях развития культуры. В один ряд с самыми великими писателями его еще при жизни поставили Г. Уэллс, Б. Шоу и Дж. Голсуорси, Р. Роллан, А. Барбюс и А. Мальро, Т. Манн, Б. Брехт и С. Цвейг, Дж. Лондон, Э. Синклер и Ш. Андерсон, К. Гамсун и С. Лагерлёф, Фтабатеи,

и Кабаяси Такидзи, Лу Синь и Мао Дунь, М. Ганди, Р. Тагор и Премчанд... Его безоговорочно признали своим авторитетным учителем, руководителем те, кого со временем будут называть основоположниками советской литературы, так же, как революционные писатели других стран признавали его «высочайшим образцом» (слова Мао Дуня) для себя и всех деятелей новой литературы.

Но как рассказать обо всем этом так, чтобы за обилием фактов, художественных произведений во всей рельефности вырисовался писатель, мыслитель, общественный деятель, человек с душой поэта, головой философа и лицом рабочего, чье лучшее произведение — сама его жизнь? Как соединить в одном портрете высокого худенького рыжеволосого паренька с грубоватым, скуластым лицом, работающего на почтовом пароходе «Пермь» «кухонным мужиком», и высокого, стройного длинноволосого юношу с голубыми глазами, поблескивающими под густыми хмурыми бровями, слушающего на нижегородском Откосе почти политическую исповедь В. Короленко; и снятого на одной фотографии с Львом Толстым необычайно возмужавшего тридцатипятилетнего писателя, прославленного на весь свет, прозванного Буревестником революции, появляющегося всюду в созвездии «подмаксимов» и многочисленных поклонников его таланта, одетого в рабочую рубаху и черные плисовые брюки, заправленные в сапоги; и прямого участника первой русской революции, лично доставляющего для нее оружие, мелькающего на улицах Москвы в самый разгар вооруженного восстания; и чуть сутулящегося «каприйского отшельника», у которого за несколько лет перебивала чуть не вся революционная Россия; и одетого в элегантный европейский костюм, в голубую сорочку с синим галстуком, чуть поседевшего, но все еще по-юношески стройного, худощавого автора только что напечатанной повести «Детство», возвращающегося после семилетней разлуки на Родину; и неумоимого обличителя империалистической сущности первой мировой войны, одетого в длиннополоую шубу неумоимого собирателя интеллектуальных сил в голодной, разрушенной России, так необходимых только что победившей социалистической революции; и поседевшего, потерявшего единственного сына, руководителя советских писателей, выступающего с главным докладом на их Первом всесоюзном съезде, редактора множества журналов, спешащего, пока не истаяли последние силы, завершить работу над главным своим произведением — романом-эпопеей «Жизнь Клима Самгина»? Как сделать так, чтобы на нескольких страницах все это соединилось в едином, бесконечно дорогом каждому советскому человеку образе М. Горького?

Размышляя над этим вопросом, иду в специальный Кабинет творчества М. Горького, находящийся на улице Воровского в Москве. Там собраны все произведения писателя, изданные в нашей стране и за

ее пределами, начиная с 1892 года, когда в газете «Кавказ» был напечатан рассказ «Макар Чудра». Там систематизированы рецензии, критические статьи, научные исследования, посвященные Горькому, воспоминания о нем современников. Память усиленно ищет, что следует выбрать из этого моря литературы, давно по объему в сотни раз превосходшей все, написанное Горьким. А воображение воспроизводит реальные эпизоды, сцены, целые картины из жизни писателя, которые хотелось бы подтвердить фактами и затем передать читателям.

Теплым солнечным днем поздней осени 1906 года на обрывистый берег небольшого островка в Неаполитанском заливе сходят с пароходика сухощавый, высокий, слегка сутулящийся мужчина с стройной, чуть выше среднего роста, необычайно элегантною женщиной с большими темными глазами. Это были Горький и его вторая жена, Мария Андреева. Приютивший их остров зовется Капри. Две привалившиеся друг к другу каменные обрывистые глыбы. С северной части открывается прекрасный вид на остров Искрию, на Везувий, на едва виднеющийся, амфитеатром раскинувшийся Неаполь. С южной — море, море невиданно интенсивной голубизны в яркий солнечный день и почти черное в ненастную погоду. Не менее яркими оказались и души простых людей, с которыми быстро сдружились русский писатель и его жена. Они распространяли щедрость своей души и на бесчисленных гостей, непрерывно заглядывавших к своему земляку. Как-то на острове оказался высокий русский человек с подвижным лицом умного мужика и мелодичным бархатным голосом. Итальянцы видели, как волновался, встречая его, русский писатель и как тот, подавшись весь вперед, когда пароходик входил в небольшую бухточку, закричал: «Алексею-шка-а!» А через два дня каприйцы уже здоровались за руку с ним — великим русским певцом Федором Шаляпиным. Объясняясь с помощью жестов, они часто раздражались неудержимым смехом. На третий день они сопровождали его и Горького к развалинам дворца Тиберио. Писатель рассказывал своему другу об одном из самых страшных и самых коварных императоров древнего Рима, основываясь здесь свою резиденцию, делившемся своими заветными мыслями только с любимым питоном. Шаляпин зачарованно смотрит на красновато-фиолетовую гладь моря, взметывающегося огненной завесой у Искрии. Чуть не сразу после оранжевого заката на остров упала ночь. Море потемнело. Великий артист вдруг улыбнулся своему другу, окружившим его итальянцам и тихим, ласковым, медленно усиливающимся голосом запел:

Ах ты, ноченька, ночка темная...

Присущей ему, но неощутимой силой этот голос перенес писателя

на его далекую родину, заставил увидеть себя на пароходе «Пермь», где он работал «кухонным мужиком», посудником. Пароход стоит против большого села. Шумная толпа баб и мужиков с шутками и прибаутками разгружает стоящую рядом баржу. Матросы притворно строгими голосами покрикивают на работающих. Медленно всходит солнце, неторопливо вдыхая напоенный сосною воздух. Все полно свежей, бодрой, через край переливающейся силы...

И — другой летний рассвет, на Откосе, высоком берегу Волги в Нижнем Новгороде. Сидя на скамье, нескладный юноша вглядывается в пустынные луга Заволжья. К нему неслышно подошел коренастый кареглазый человек с густой курчавой седеющей бородой. Присел. Сказал несколько шутливых слов. Это был Короленко. Потекла неторопливая беседа о местных марксистах, либералах, о роли интеллигенции в преобразовании жизни, о том, когда и что сожжет всю ложь, грязь на земле. Замелькали имена Сократа, Галилея, Робеспьера, декабристов, Перовской, Желябова. Когда шли по улицам сонного города, Короленко спросил:

— Что же — пишете вы?

— Нет.

— Почему?

— Времени не имею...

— Жаль и напрасно. Если б вы хотели, время нашлось бы. Я серьезно думаю — кажется, у вас есть способности.

«Нет ни матушки, нет ни батюшки...» — все повышая не теряющий щемящей задушевности голос, поет Шаляпин, а в воображении писателя встает Москва тех декабрьских дней 1905 года, когда она, силою всеобщей забастовки, погрузив город в полную тишину, затем разразилась вооруженным восстанием. В два часа дня 9 декабря раздались винтовочные и пистолетные выстрелы, а на следующий день загремели пушки, застрочили пулеметы, город наполнился неровным гулом, продолжавшимся и всю следующую ночь. Пробираясь с Садово-Каретной на Воздвиженку, писатель считает вырастающие на московских перекрестках баррикады с проволочными заграждениями: «Восемнадцать, девятнадцать, двадцать...»

Только есть у меня... — гремит уже на весь остров покоряющий голос певца и... переносит писателя в заснеженный каменный город в Финляндии. Тысячная толпа, возглавляемая финляндской красной гвардией, встретила в январе 1906 года Горького и его жену у отеля «Кэмп» восторженными криками, выпрягла лошадей и сквозь шпалеры публики, под восторженные крики «Элякээн революция!», «Элякээн Горький!» — повезла коляску с гостями к Пожарному дому, где состоялся революционный концерт. Он закончился исполнением «Интернационала» на шести языках. Воображение писателя как-то причудливо связало это событие с последующей поездкой в США, с тысячной массой народа, высыпавшей на встречу с ним на вокзале

города Бостона, и морем голов, запрудивших все окрестности вокруг отеля «Везувий» в Неаполе, где остановился возвратившийся в Европу писатель в ноябре 1906 года. «Я отношу эти повести ко всей армии борцов революции, среди которых я лишь рядовой боец», — сказал он тогда.

...Шалапин кончил петь. Секунду стояла тишина. И вдруг ее разорвали восторженные крики итальянцев. Оказалось, что, кроме сопровождавших Горького и его гостя, немало каприйцев успело сбежаться на неслыханной красоты голос. Они аплодировали, выкрикивали восторженные слова, упрашивали спеть еще что-нибудь. Шалапин вдохновенно исполнил «Соловья», «Солнце красное», «Двух гренадеров», «Я не сержусь...».

Возвращались поздно. На непроглядно темном небе ярко светилась громадная Венера. Пещеры в горе Тиберио смущенно прикрывали свои пасти. Как всегда, поддаваясь сильному возбуждению, великий артист громко смеялся, шутил. И только у самого дома, вдруг полуобняв друга, сообщил ему уже спокойным голосом:

— Массне собирается написать оперу о Дон-Кихоте... О рыцаре печального образа... Печального... Он был такой честный, такой чистый, как ты... Если Массне осуществит свой замысел, а меня бог умудрит и на этот раз, то я надеюсь хорошо сыграть «тебя», мой любимый Максимыч, и немножко «себя».

Дважды на Капри у Горького побывал Ленин. В первый раз маленький пароходик доставил его теплым апрельским днем. Море сияло тысячами улыбок. Все население дома, в котором жил Горький, спустилось к причалу на Марина Гранде. Пароходик медленно приближался к острову. Невысокий коренастый человек, весь светясь радостью, помахивал шляпой встречавшим его людям. Оказавшись на мостках, он ласково поздоровался с Андреевой, обнялся с Горьким, слегка сощурившись, протянул руку Луначарскому и, еще больше сощурившись, Богданову и Базарову.

В последующие дни Горький буквально влюбился в Ленина и пользовался его взаимной симпатией. Они подолгу беседовали. 18 июня 1910 года находившийся на Капри К. Пятницкий записал в своем дневнике: «К обеду приезжает Ленин... Возвращаюсь к чаю (перед вечером). Разговор между Лениным и А. М. М. Ф. старается прекратить, предлагает разойтись. Я простился, ушел. Гулял. Вернулся в 3, еще спорят».

И в этот и в следующий приезды Ленина на Капри речь не однажды заходила и о последних рассказах самого Горького.

— Напрасно дробите опыт ваш на мелкие рассказы, — сказал Ленин, — вам пора уложить его в одну книгу, в какой-нибудь большой роман.

Горький ответил, что мечтает написать историю одной семьи на протяжении ста лет, с 1813 года и до текущих дней. Выслушав Горького, Ленин долго выпрашивал его то об одном, то о другом, а потом сказал:

— Отличная тема, конечно — трудная, потребует массу времени, я думаю, что вы бы с ней сладили, но — не вижу, чем вы ее кончите? Конца-то действительность не дает. Нет, это надо писать после революции, а сейчас что-нибудь вроде «Матери» надо бы.

Писатель делился с Лениным и другими замыслами, часто рассказывал о своем детстве, скитаниях «в людях», о жизни «среди интеллигенции». Ленин слушал с величайшей заинтересованностью, повторял:

— Написать бы вам все это, батенька, надо! Замечательно поучительно все это, замечательно...

Исследователи творчества Горького находят связь между этими беседами и творческой историей таких выдающихся произведений, как «По Руси», «Детство», «В людях», «Мои университеты», «Дело Артамоновых», «Жизнь Клима Самгина».

Хмурый мартовский день в голодном Петрограде 1920 года. Вот повалит мокрый снег. В старинном особняке на Итальянской улице собрались пролетарские писатели на встречу с Горьким. В долгополой шубе с поднятым воротником, в меховой шапке, он на минуту задержал взор на стоявших в комнате китайских вазах, потом сбросил верхнюю одежду, пожал руки присутствующим и, видя, что от него ждут речи, медленно заговорил глуховатым голосом:

— Пролетариату теперь принадлежит вся власть, а кому много дано, с того много и спросится. Восьма много. Теперь вы, пролетарские литераторы, обязаны отвечать не только перед одним пролетариатом, а перед всем народом. Ответственность возросла. Задачи появились новые и нелегкие, да-с...

В другой раз, собрав писателей Петрограда у себя на квартире, он сказал:

— Подумайте о вашем пути. Вам суждено рассказать миру об Октябре: *что* он принес миру и *как* принес, с какими жертвами и мечтами. Путь прежнего писателя лежал преимущественно по России. Путь ваш — не только в Россию, но и в Европу. Думаю, и Азию вы не минуете...

И первый, когда появились такие произведения, как «Барсуки» Л. Леонова, «Цемент» Ф. Gladкова, «Города и годы» К. Федина, «Одеты камнем» О. Форш, радостно сообщил миру, что в СССР создается *новая большая литература*.

Широкий стол на ножках значительно более высоких, чем обычно. Горький высок ростом и поэтому, чтобы не сгибаться чересчур,

заказывает себе для работы всегда столы выше общепринятых. На столе книга, изданная самим автором, К. Циолковским, в Калуге. Она называется «Причина Космоса» (1925). Писатель читает ее с подлинным восхищением, то и дело поглядывая в окно, словно стремится отсюда, с живописного соррентийского холма, рассмотреть далекую русскую Калугу. Книга не дает ему покоя день, другой, третий. «В Россию еду около 20-го мая, — пишет он в 1928 году К. Федину. — Сначала в Москву, затем, — вообще. Обязательно в Калугу. Никогда в этом городе не был, даже, как будто, сомневался в факте бытия его и вдруг оказалось, что в этом городе некто Циолковский открыл «Причину Космоса».

Следующие две книги в брошюрных обложках, изданные тоже самим автором в Калуге, писатель кладет к себе на стол уже как величайшие драгоценности. Одна называется «Монизм Вселенной» (1925), другая — «Будущее Земли и Человечества» (1928). Читая их, он то и дело берет в руки красный карандаш и бережно отчеркивает мысли, столь дорогие ему самому. Он соглашается и с тем, что в Млечном Пути существует множество обитаемых планет, и с тем, что пономулю человек создаст жилище в эфире.

— Именно, судари мои, именно, — говорит он кому-то, подчеркивая утверждение ученого: «И Землю и другие планеты придется привести к порядку... Земля необходима, как опора, как базис, для распространения и упрочения могущества человека в солнечной системе и на ее планетах».

Он произнес несколько раз слово «хозяин», когда читал страницы, на которых предлагаются конкретные меры упорядочения всей жизни на Земле, начиная с провозглашения ее «общим достоянием» и кончая запрещением сжигать «ископаемое топливо». Когда же дошел до слов: «достигнуть совершенства и изгнать всякую возможность зла и страданий в пределах солнечной системы», — смеялся долго и радостно, как смеются дети, когда наконец-то получают заветный подарок.

Этот августовский день в жизни рабочих завода «Красное Сормово» был особенным. За два часа до смены по цехам полетело: «Горький приехал! Горький приехал!» Его высокую сутулую фигуру, ловко лавирующую между станками и строящимися паровозами, видели в паровозостроительном, а потом в котельном и дизельном цехах. Он расспрашивал об усовершенствованиях процессов труда, экономии рабочей силы. Не раз громко здоровался, узнавая своих старых знакомых. Когда гудок известил об окончании смены, рабочие, выходя из цехов, направлялись на широкий заводской двор. Старые, кадровые рабочие шли степенным шагом, молодежь, обгоняя их, бежала на летучий митинг — на встречу со своим земляком, с писателем, который, быть может, здесь, в рабочем Сормове, впервые

испил по-настоящему живой воды, придавшей ему бодрость и уверенность в конечной победе пролетариата.

В четыре часа пополудни Горький и сопровождающие его руководители завода, рабочие активисты появляются на балконе заводоуправления. После приветствий слово предоставляется великому писателю.

— Вы уже не пролетарии,— говорит он,— вы хозяева страны. Вы творцы нового государства. Помните об этом крепко. Не увлекайтесь чересчур построениями индивидуального своего житышки. Не пускайте на порог к себе мещанства... Вы ведете теперь за собой рабочий класс Европы... Я не состою в рядах партии коммунистов, но не могу, по совести, не сказать вам, что партия — это действительно ваш мозг, ваша сила, действительно ваш вождь, такой вождь, какого у западного пролетариата — к сожалению и к его горю — еще нет... Вот вы говорите, чтоб я работал с вами. Об этом просить меня не надо. Я вот уже около двадцати пяти лет, а может быть, и больше, живу с русским трудящимся народом, а главным образом и больше всего — с русским рабочим классом, родным мне по духу. Я имею дерзость считать себя революционером вместе с рабочим классом, который является наиболее революционным и на который история человечества возложила великую честь, великую задачу — преобразовать мир. Вы, товарищи, начинаете это делать.

На закате теплого майского дня автомобиль катит из небольшого городка Сорренто на виллу Иль Сорито, снимаемую Горьким. За рулем — сын писателя. На заднем сиденье — Горький и молодой, но уже широко прославленный писатель Леонид Леонов. У Горького к нему чувство какой-то особенно нежной любви и неизменного восхищения его талантом.

Скрывая свою застенчивость и настороженность под маской иронии, молодой писатель говорит:

— Сюда-туда мечутся поршни, крутится коленчатый вал, скрипят тормоза, чихает выхлопная труба, качаются на сиденьях три человека, а все вместе называется: мы едем домой.

Горький резко поворачивается в сторону Леонова, привычными броскими движениями приглаживает усы и раздражается пронизывающим его всего радостным смехом. И то ли по поводу только что услышанного, то ли по поводу рассказанного перед тем Леоновым замысла нового романа, который потом появится под титулом «Дорога на океан», говорит:

— Быстро растете, сударь мой, замечательно быстро. Знаете, угощу-ка я вас сегодня костерком...

Через полчаса, собрав в саду весь валежник, какой только можно было найти, Горький умело, как делал это еще сорок лет назад, во

время своего бродяжничества по России, сложил его горкой и поджег. Зачарованно следя глазами за извивающимися космами пламени, он держит правую руку на плече своего любимца. И, вдруг быстро наклонившись к нему, говорит:

— Замечательно, по-русски широко талантливы вы, сударь мой... Значительно талантливее меня... Знаменитый писатель еще не означает отличный или даже хороший беллетрист. Повторю то, что писал уже вам. Вы, страшно русский художник, на высокую гору идете и быть вам, сударь мой, на ее вершине...

За привычным для многих писателей широким столом на первом этаже причудливого особняка, отведенного Горькому Советским правительством в Москве, необычная тишина. Покуривая, Горький вместе с другими писателями слушает длящееся уже несколько часов чтение автором романа «Поднятая целина». Так же, как в начале чтения, у автора, когда он переворачивает страницу, слегка подрагивают пальцы, изредка он проводит правой рукой по высокому выпуклому лбу, потом быстро прячет руку под стол. Закончив чтение, обводит растерянным взглядом присутствующих. «Хорошо!» — говорит один из них. Все начинают радостно кивать головами, улыбаясь автору, потом обращает взор к Горькому. Они видели, как при чтении он несколько раз оборачивался к окну, стремясь скрыть от присутствующих выдававшие его радость слезы. Ударяя указательным пальцем по заправленной в мундштук сигарете, чтобы стряхнуть пепел, Горький, сдерживая волнение, говорит:

— Правда!.. Правда прекрасная и жестокая: вот в чем сила и красота и «Тихого Дона» и новой вашей книги... Героико-эпический реализм...

За тем же столом в большой гостиной, за которым Горький встречается с писателями, учеными, руководителями партии и правительства, сегодня он сидит с рабочими и крестьянами — передовиками социалистического строительства. Среди них прогремевший на всю страну шахтер-забойщик Никита Изотов, девятнадцатилетняя колхозница-бригадир Ирина Никульшина... Дорожа временем писателя, они стремятся быть предельно краткими в своих рассказах. Горькому, напротив, хочется знать обо всем до мельчайших деталей. Подвигая их к такому разговору, он шутя замечает:

— Не будем, дорогие товарищи, стремиться к тому, чтобы остричь и обрить дьявола. Ведь дьявол именно хорош в густой шерсти и во всеоружии его озорства...

Смешливый казанский татарин лет шестидесяти восьми, «инспектор по качеству», заливаясь смехом:

— Старый-та выласть-шайтан. Люди ничему не учил. Советски выласть научайт: «Все знай, дурак! Тырахтыр — железна лошадка — знай, всяка машина, всяка дело знай, всяка книга читай! Земыля знай, чего он хочет, — чтобы тебе хорошо хлеб давал земля! Все знай, да!».

Никита Изотов повествует о своем труде так, словно перед ним человек, обязанный до тонкости знать все тайны его дела. И это больше всего радует Горького.

«Он имеет законное право требовать от меня знания его труда, ибо он возвысил труд свой до высоты искусства», — подумал, слушая его, великий писатель.

Дом союзов. Сотни москвичей толпятся у его подъездов, надеясь увидеть писателей, собравшихся на заключительное заседание первого своего съезда. Председательствует Александр Фадеев. Сегодня ему предстоит предоставить слово для подведения итогов М. Горькому. Волнуется не меньше, чем волновался на первом заседании Иван Микитенко, когда ему передал председательские бразды сам М. Горький. Съезд выбирает правление Союза писателей и другие органы, утверждает несколько приветствий.

— Товарищи, — сообщает Фадеев, — заключительное слово на нашем съезде предоставляется Максиму Горькому.

Все присутствующие в зале встают, бурными аплодисментами встречая появление на трибуне своего друга и руководителя. Он просит не терять даром времени и без каких-либо «подходов» сообщает о главном достижении съезда, выражающемся в том, что «еще раз победоносно прогремел гром большевизма, коренного преобразователя мира», советские писатели единодушно «признали большевизм единственной боевой руководящей идеей в творчестве, в живописи словом». Главную задачу советской литературы он видит в создании книг «замечательных по новизне материала и по силе изображения», предсказывает невиданный расцвет в близком будущем всех национальных литератур в нашей стране, независимо от количества того или иного народа, и обращается с просьбой к «представителям национальностей»:

— На меня, и — я знаю — не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавал свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их. Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман. Повторяю: начало искусства в фольклоре...

Горки. Погожий июльский день 1935 года. У старинного особняка Горький, высокий, сильно поседевший, но все еще стройный,

подтянутый, в хорошо отутюженном сером костюме, в своей излюбленной голубой сорочке с синим галстуком, фотографируется с Роменом Ролланом. Они стоят на фоне буйствующей в этом году зелени парка. Ветерок ощутим лишь потому, что время от времени стоящих окутывает запах цветов.

Роллан под стать Горькому, такой же рослый, но совершенно седой, в сорочке с высоким белым воротничком, лицо бледное, худое, почти восковое. Несмотря на теплый летний день, одет в длинную накидку с бархатным воротником, которую снимает на время фотографирования. Все время ежится, говорит настолько тихим голосом, что даже привыкшая к этому Мария Кудашева порой переспрашивает его, чтобы перевести сказанное Горькому. По неширокой черной дорожке, ведущей от деревьев к дому, они сходят на бледно-желтый песок, мягко поднимаются по ступенькам крыльца в дом.

Разговор, начатый во дворе, продолжается в присутствии многих советских писателей, приехавших для беседы с французским гостем. И Горький и Роллан изысканно любезны.

— Очень жаль,— говорит своим, таким родным для всех присутствующих глуховатым баском, сильнее, чем обычно, нажимая на «о», Горький,— что один из самых светлых мыслителей человечества — Ромен Роллан — не видит, насколько неизбежна сейчас война.

— Очень жаль, что самый крупный из писателей — Максим Горький — не может поверить в то,— отвечает Роллан,— что человечество не совершит самую большую ошибку в мировой истории — покушение против самого себя.

Крым. Тессели. Посередине обширной комнаты — стол на высоких ножках. На нем — толстая рукопись. Большие листы в зеленую линейку, отчерченные по середине почти голубой линией. Это заключительные части «Жизни Клима Самгина». Ничто не давалось Горькому с таким трудом, как это произведение. Образ центрального персонажа создавался им с глубочайшей жизненной и литературной ретроспективой. Сидя над рукописью, автор мысленно беседовал, советовался, жарко спорил с сотнями писателей прошлого. Еще сложнее была работа над властно выдвигавшимся в центр произведения образом русского народа-героя, движущегося к социалистической революции. Все это и вырвало однажды признание, такое неожиданное для писателя: «Да, я устал, но это не усталость возраста, а результат непрерывного напряжения: «Самгин» ест меня. Никогда еще я не чувствовал так глубоко ответственности своей пред действительностью, которую пытаюсь изобразить. Ее огромность и хаотичность таковы, что иногда кажется: схожу с ума».

Конец мая 1936 года. Курский вокзал в Москве. Из вагона выходит неожиданно постаревший, совсем седой Горький. Встречающие его

родные и знакомые сразу замечают, что он утомлен, сутулится сильнее обычного. Трость же в его руках их поражает. Прихрамывая, он опирается на нее тяжело. Уезжая через два дня в Горки, каждому говорит:

— Будем ждать...

Но, если не считать родных, приезжают в основном врачи. Прославленный нейрохирург Николай Нилович Бурденко задает писателю привычные вопросы. Тот отвечает привычными же фразами: «Да, чего же!», «Хорошо, все хорошо!» и вдруг, незаметно для собеседника завладевая беседой, с жаром начинает доказывать ему:

— Приспело, знаете ли, время создать положительную философию медицинской науки. Ведь ее все еще нет. Тысячелетия медицина мыслит аналитически, да-с, милостивый государь, эмпирически. Ищет средства против отдельных недугов... А вот создать биологическую философию человека не пытается. Раньше недоставало сил... Теперь таких сил должно хватить. Медицину нужно сделать наукой конструктивной, всеобъемлющей, творческой...

Он никогда не испытывал страха перед смертью. Но у него было чувство органической безгловости к «умиранию». В последний год своей жизни Горький сказал Лидии Сейфуллиной: «Умирать унизительно! А в наше время не стоит, прямо не стоит!» За десять лет до того он писал: «О смерти? Меня эта тема мало интересует... Я в этом вопросе размышляю да и чувствую органично, по-запорожски:

Пока я есть — ее нема,

А як приде — меня черт ма».

И он же говорил, что человек, честно делавший все для обогащения жизни добром и красотой, не уходит в небытие.

«Прекрасное человеческое тепло излучалось из этого светлейшего представителя новой человеческой породы. Когда говорят о Горьком, думают о его страстной преданности людям. Но это не была тихая, поровну на всех, христианская любовь ко всем людям без изъятия, это была воинствующая любовь прежде всего к добру, без которого невозможна жизнь на земле, — ленинская любовь, которой назначено преобразовать планету, которая неузнаваемо облагораживает наши поля и книги... Такие не умирают: звезда не угасает. Горький лишь поднялся на небосклон русской литературы, где ему надлежит сиять века» (Л. Леонов).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Человек-художник	3
Наш Горький	15
Горький и советская литература	26
Великие искания	30
Живой Горький	35

Александр Иванович ОВЧАРЕНКО

ЖИВОЙ ГОРЬКИЙ

Редактор **Б. А. Леонов**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 20.11.85. Подписано к печати 05.02.86. А 00624. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,04. Усл. кр.-отт 2,28. Тираж 80 000 экз. Изд. № 341. Заказ № 1937. Цена 20 коп

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Государственный внутренний выигрышный займ 1982 года

● Вы можете стать обладателем денежного выигрыша от 100 до 10 000 рублей, если приобретете облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года.

● Облигации займа выпущены достоинством 50 и 25 рублей. Они свободно продаются и покупаются всеми сберегательными кассами.

● Выигрыши по займу установлены на пятидесятирублевую облигацию, включая ее нарицательную стоимость. По облигациям достоинством в 25 рублей выплачивается половина выигрыша.

● Владелец выигрыша в 10 000 рублей имеет право на внеочередную покупку автомобиля «Волга» или легкового автомобиля аналогичного класса, а выигрыша в 5000 рублей—автомобиля другой марки классом ниже (разница между стоимостью автомобиля и суммой выигрыша доплачивается владельцем выигравшей облигации).

● По-прежнему участвуют в тиражах выигрышей находящиеся в настоящее время у населения облигации Государственного 3-процентного внутреннего выигрышного займа 1966 года. После проведения 30 июня 1986 года последнего тиража по займу 1966 года владельцам облигаций предоставляется право до 1 июля 1987 года обменять их в сберегательных кассах на облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года на льготных условиях, т. е. без уплаты курсовой разницы.

**Российское республиканское главное управление
Гострудсберкасс СССР**